

ДАЛЬНИЙ РУБЕЖ

МОЛЧАНИЕ ТЕССЕРЫ

ВИКТОР ВОСС

РОМАН

Виктор Восс

Молчанием Тессеры

«Автор»

2026

Восс В.

Молчанием Тессеры / В. Восс — «Автор», 2026

Экипаж исследовательского корабля «Горизонт» почти год летит к безымянной планете Тессера — по данным разведки, там нет ничего, кроме гнетущей тишины. Но по мере приближения выясняется: тишина обманчива, а планета скрывает нечто, что может изменить представление людей о самих себе и своём месте во вселенной. Капитан Виктор Колдер по прозвищу «Ворон» должен удержать команду вместе, пока привычный мир трещит по швам. «Молчание Тессеры» — первая книга цикла «Дальний рубеж»: атмосферная научная фантастика о контакте с неизвестным.

© Восс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	36
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Виктор Восс Молчанием Тессеры

Глава

«Вечное безмолвие этих бесконечных пространств пугает меня».
— Блез Паскаль

От автора

Когда я начинал работу над «Молчанием Тессеры», мне хотелось написать не столько историю о контакте с чужим разумом, сколько историю о том, как звучит — вернее, не звучит — тишина между звёздами, и что происходит с людьми, которые проводят с этой тишиной слишком много времени.

Экипаж «Горизонта» — не супергерои и не идеальные исследователи. Это обычные люди, застрявшие в замкнутом пространстве на многие месяцы, каждый со своим грузом усталости, надежд и не до конца проговорённых страхов. Тессера стала для них не просто очередной точкой на карте, а зеркалом — в котором отражается то, что они предпочли бы не видеть.

«Молчание Тессеры» — первая книга цикла «Дальний рубеж». Я сознательно оставил в финале несколько нитей нераспутанными: не потому, что забыл о них, а потому, что некоторые вопросы важнее ответов, которые они порождают. Что скрывает Ядро, кто на самом деле наблюдает за «Горизонтом», и какова истинная природа маяка — обо всём этом мы ещё поговорим в следующих книгах серии.

Спасибо, что открыли эту книгу. Надеюсь, тишина космоса, в которой оказался экипаж «Горизонта», найдёт отклик и по эту сторону страницы.

Виктор Восс

Глава 1

Сегодня проснулся, как всегда, в 06:00. Тут вообще не понятно, когда наступает утро, день или ночь — при взгляде в иллюминатор видно только чёрную мглу космоса и миллиарды крошечных мерцающих звёзд, которые словно наблюдают за тобой. За долгое время в космосе мы всё равно стараемся придерживаться земного времени.

Меня зовут капитан Виктор Колдер, некоторые называют меня «Ворон» — за долгие годы экспедиций в составе разных исследовательских миссий. Но обо всём по порядку. Сегодня, 28 июня 7634 года от начала исчисления времени, наш корабль «Горизонт» держит путь к планете Тессера в созвездии Эридан, галактика Тарсис. Осталось 138 земных суток до цели.

Наш исследовательский корабль «Горизонт» это Класс: «Первооткрыватель» — малый научно-исследовательский корабль Проект: НИК-7 (Научно-Исследовательский Корабль, серия 7) Возраст: 23 года с момента постройки. Целью которого является длительные экспедиции в малоизученные секторы галактики. Основная задача — исследование новых планет, систем и аномалий с последующей передачей данных командованию. Экипаж и вместимость: штатный экипаж до 25 человек, максимальная вместимость до 45. Десять крио-капсул для длительных перелётов.

Встав с кровати и застелив постель, я отправился в душ, чтобы привести себя в порядок. Побрился, оставив тонкую линию бороды, подстриг усы, расчесал коротко стриженные седые волосы. Одевшись в форму, скрывающую шрамы, я вышел из каюты — нужно обойти весь корабль для проверки работоспособности всех систем.

Выйдя из каюты, я наткнулся на Кая Эртана. Молодой парень, 23 лет, механик, новичок на борту «Горизонта»: худощавый, рыжеватые волосы, нервная, но обаятельная улыбка. Он, наверное, родился с отвёрткой и гаечным ключом в руках — очень смышлённый малый. Я искренне обрадовался, когда узнал, что Кай будет в нашей команде: этот парень починит любое «корыто».

— Привет, Кай, куда ты в такую рань направляешься? — спросил я. — Позвонил дежурный, сказал, что один из датчиков наружной температуры барахлит, нужно его срочно проверить, — ответил Кай.

Сегодня на дежурстве была Лира Кросс — 25 летняя, симпатичная брюнетка с короткой стрижкой, голубыми глазами и изящной фигурой. Она занимает на корабле должность программиста, у неё отличная подготовка по взлому систем и хакерским атакам, в совершенстве владеет несколькими языками.

И мне кажется, что у них роман — иначе зачем будить из-за датчика именно Кая, а не Мирона Глотца, нашего инженера-механика? Хотя может потому что ему всё-таки шестьдесят, не дело поднимать его с постели среди ночи по такой мелочи — хотя именно он участвовал в строительстве этого корабля.

— Тогда пошли вместе, мне все равно на мостик — и мы зашагали по гулкому металлическому переходу.

Несколько секунд мы шли молча, слушая, как корабль негромко гудит вокруг нас — где-то в глубине пульсировали системы жизнеобеспечения, как огромное механическое сердце.

— Не страшно? — спросил я, не глядя на него. — 378 суток в полете, в железной банке, посреди пустоты.

Кай на секунду задумался, потом улыбнулся своей нервной улыбкой.

— Страшно, но интересно — дома я точно знал, чем закончится день. А здесь, здесь — неизвестность которая дает надежду на изменение будущего.

Я усмехнулся. Что-то в этом ответе мне понравилось — может, потому что когда-то я думал точно так же.

— Ты давно с Лирой Кросс знаком? — спросил я как бы невзначай, наблюдая за его реакцией.

Кай чуть сбился с шага и слишком быстро ответил:

— Со старта миссии. А что?

— Ничего, — я пожал плечами, скрывая улыбку. — Просто заметил, что она почему-то звонит именно тебе, когда барахлит датчик. Не Мирону.

— Мирону шестьдесят лет, капитан, — Кай неловко рассмеялся. — Кто-то же должен ему дать выспаться.

— Логично, — сказал я, оставив тему — пока.

Мы дошли до развилки: налево уходил служебный коридор к внешнему шлюзу, направо — прямой путь на мостик.

— Ладно, я сюда, — Кай махнул рукой в сторону шлюза. — Если датчик и правда сломан, доложу по связи.

— Давай, — сказал я и направился дальше один.

Через минуту массивная дверь мостика с тихим шипением разошлась передо мной, и я шагнул внутрь, где меня уже ждала Лира — сосредоточенная, как всегда, перед светящимися экранами систем «Горизонта».

Вступив на мостик, Лира спешно начала докладывать, что никаких происшествий и аномалий не зафиксировано.

— А как же датчик температуры — заметил я.

— Откуда вы узнали, капитан? — ответила она, смущаясь.

— Да, когда выходил из каюты меня с ног чуть не сбил Кай, он то мне все и рассказал.

— Понятно — сказала Лира

Она произнесла это ровным голосом, но щёки чуть порозовели — совсем немного, ровно настолько, чтобы я успел заметить и сделать вид, что не заметил.

Теперь я поприветствовал ОРКА — это Оперативная Распределенная Кибернетическая Архитектура или коротко «мозг» нашего корабля.

— Доброе утро, ОРКА, — произнёс я, опускаясь в капитанское кресло.

— Доброе?! — понятие растяжимое на трёхсот семидесятые сутки полёта без единого восхода солнца, капитан, — отозвался ИИ из динамиков мостика, голос ровный, с лёгкой издёвкой. — Но статистически вы правы: по корабельному времени сейчас действительно утро.

— Статус систем, — попросил я, не реагируя на подколку.

— Все системы в пределах нормы. За одним исключением: внешний датчик температуры у шлюза третьего отсека показывает нестабильные значения последние сорок минут. Уже отправлен на проверку механик Эртан — полагаю, вы с ним только что встречались.

— Встречался, — согласился я. — Что-нибудь ещё?

ОРКА выдержал паузу — ровно настолько, чтобы это выглядело как намеренная пауза, а не задержка обработки.

— Ничего критичного. Хотя замечу: курсовая траектория за последние шесть часов отклонилась от расчётной на 0,003 градуса.

— Это в пределах погрешности?

— Технически да, — ответил ОРКА. — Но я фиксирую отклонения такого рода с занудной методичностью, капитан, и именно поэтому я до сих пор не врезался ни в одну планету за всю историю эксплуатации. Рекомендую отметить и проверить повторно через цикл.

— Записано, — я бросил взгляд на Лиру, та уже сидела за своим терминалом, упорно не поднимая глаз от экрана. — Спасибо, ОРКА.

— Всегда к вашим услугам, капитан, — произнёс ОРКА. — В отличие от некоторых членов экипажа, я хотя бы отвечаю на звонки сразу.

Лира громко прокашлялась, но промолчала.

В углу мостика, у переборки, был встроен компактный синтезатор питания — не ресторан, конечно, но порция горячей еды и нормальный кофе раз в сутки оставались одной из немногих роскошей на «Горизонте». Я подошёл, налил себе кофе в потёртую металлическую кружку — успел уже выцарапать на её боку едва заметную зарубку для каждого года полёта, — и забрал поднос с завтраком. Сегодня — каша и тост с джемом.

— Каша снова без сахара, — заметил я, садясь обратно в кресло.

— Норма сахара на текущую неделю исчерпана позавчера, капитан, — отозвался ОРКА мгновенно, будто ждал именно этой фразы. — Я веду учёт. Вы — нет.

— Ты не мой врач, ОРКА.

— Технически — я единственный, кто на этом корабле хоть немного похож на врача, — невозмутимо парировал ИИ. — Доктор Севальд в крио-капсуле уже шесть месяцев, если вы не забыли.

Я хмыкнул и откусил тост, не найдя, чем парировать. Джем оказался неожиданно неплотным — кисловатый, явно из последней партии апельсиновых ягод, которые Мирон с гордостью растил в техническом отсеке третий месяц подряд, несмотря на все шутки экипажа об «огороде в космосе».

— Лира, — позвал я, не отрываясь от каши. — Хочешь кофе? Похоже, у тебя сегодня будет долгое утро с отчётами.

Она наконец поднял глаза от терминала — на секунду дольше, чем требовалось, — и едва заметно улыбнулась.

— Не откажусь, капитан.

Я налил вторую кружку и протянул ей, а сам подумал: может, не такое уж это и долгое утро, как кажется.

Сразу проясню: доктор Ирина Севальд, корабельный врач, около сорока пяти лет, была направлена высшим командованием специально для этой миссии — она военный врач и успела побывать в самых разных уголках вселенной. Сейчас она находится в крио-капсуле: ей наскучило ежедневное безделье, и она сама попросила разбудить её, если случится что-то серьёзное либо мы прилетим к цели — в зависимости от того, что наступит раньше. В соседних капсулах спят ещё трое армейцев-охотников за головами; один из них — офицер корпоративной службы Северин Раш, позывной «Вексель».

Признаюсь, мысль о трёх спящих охотниках за головами в соседнем отсеке не добавляла мне спокойствия по утрам — даже если формально они летели с нами по приказу того же командования, что и доктор Севальд. Бумаги говорили одно: усиление на случай, если на Тессере что-то пойдёт не так. Чутьё капитана, прошедшего в космосе больше лет, чем хотелось бы признавать, говорило другое — людей с таким родом занятий просто так и в полной боевой готовности не подсаживают на исследовательский корабль за тридевять земель от цивилизации.

— ОРКА, как состояние крио-отсека? — спросил я, отставив пустую кружку.

— Все четыре капсулы в штатном режиме, капитан. Доктор Севальд — стабильна. Армейцы — тоже, — ответил ИИ, и в его голосе мне послышалось что-то похожее на лёгкую заминку. — Хотя, если позволите личное наблюдение: один из показателей жизненной активности офицера корпоративной службы Северин Раш последние сутки чуть выше нормы для глубокого сна. Ничего критичного. Просто... любопытно.

Лира подняла взгляд от терминала.

— Любопытно — это как? — спросила она, и в её голосе я услышал ту же самую настороженность, что и у себя.

— У меня нет точного ответа, — признал ОРКА. — Это может быть погрешность сенсора. А может — нечто, на что я не запрограммирован обращать внимание дважды.

Мы с Лирой переглянулись. На «Горизонте» подобные фразы от ОРКА обычно не предвещали спокойного дня.

— Ладно, отправлю Глотца на проверку, на всякий случай, — ответил я.

Не успел я договорить, как дверь мостика снова разошлась, пропуская взъерошенного Кая.

— Капитан, тут проблема, — бросил он, чуть переводя дыхание, будто бежал всю дорогу от шлюза.

— Докладывай, — я повернулся к нему.

— Датчик не врал. Внешняя антенна датчика температуры сломана, а также обнаружена ещё одна проблема: модуль дальней связи не выходит на связь, нужно проверить. На месте не починить — нужно выбираться наружу, чтобы заменить антенну, ну и осмотреть место поломки. А вот по модулю дальней связи, возможно, нужна полная замена.

— Замена есть на складе? — спросила Лира, не отрываясь от терминала.

— Антенна есть, — отозвался Кай. — Но это не самое странное. Капитан, я не понимаю, что могло её так повредить. Антенна экранирована, рассчитана на метеориты в десять раз крупнее любых, что мы фиксировали в этом секторе. А вот модуля нет и где его взять?! Наверное, нужен совет опытного Глотца — всё-таки он участвовал в проектировании и постройке нашего корабля.

На мостике на секунду стало тихо.

— ОРКА, — добавил я, не отрывая взгляда от Кая, — поднимай журнал внешних датчиков за последние сутки. Хочу знать, что было снаружи корабля в момент поломки.

— Уже поднимаю, капитан, — отозвался ОРКА, и в его голосе впервые за утро не было ни капли привычной иронии.

Несколько секунд на мостике слышалось только тихое гудение системы — ОРКА просматривал журналы. Я успел разлить остатки кофе по второй кружке, прежде чем динамики снова зашумели.

— Журнал поднят, капитан, — сказал ОРКА. — И мне не нравится то, что я вижу.

— Конкретнее, — попросил я.

— За девять секунд до повреждения антенны внешние датчики зафиксировали кратковременный всплеск магнитного поля в районе третьего отсека. Источник — снаружи корпуса. Никаких метеоритных тел, обломков или известных объектов в радиусе сканирования на тот момент не было.

Лира резко обернулась.

— То есть поле возникло из ничего?

— Я бы сформулировал иначе, — отозвался ОРКА. — Источник просто не попал в радиус видимости сенсоров до момента всплеска. Что-то либо подошло к кораблю незаметно, либо находилось рядом достаточно долго, чтобы я к этому привык и перестал считать аномалией.

В комнате стало совсем тихо. Кай переводил взгляд с меня на Лиру и обратно, явно не зная, стоит ли что-то говорить.

— Хорошо, — я поставил кружку на стол, чуть резче, чем хотел. — Кай, найди Глотца, пусть собирает инструмент для выхода наружу. Антенну и место поломки нужно осмотреть лично — глазами, а не только датчиками. Лира, подними все архивные данные по этому сектору за последний месяц, до того как мы сюда вошли. Хочу знать, бывало ли что-то похожее раньше.

— А с модулем дальней связи что? — спросил Кай.

— Пока без связи, — произнёс я, и сам услышал, как невесело это прозвучало. — Так что разбираемся сами, и быстро.

Кай кивнул и почти бегом вышел с мостика. Лира уже погрузилась в архивы, её пальцы летали по сенсорной панели. Я остался стоять у обзорного экрана, глядя в черноту за бортом — туда, где что-то появилось из ниоткуда и снова исчезло, оставив после себя только повреждённую антенну и десяток вопросов без ответов.

Через несколько минут на мостик, неторопливо переваливаясь и на ходу вытирая руки промасленной тряпкой, поднялся Мирон Глотц.

— Ну, что у нас тут, — Мирон обвёл взглядом мостик, остановился на мне. — Кай говорит, корабль решил развалиться у нас под ногами.

— Не развалиться, но кое-что неприятное, — я коротко обрисовал ситуацию: повреждённая антенна, молчащий модуль дальней связи, и магнитный всплеск, который ОРКА зафиксировал прямо перед поломкой.

Мирон слушал, не перебивая, и только хмурился всё сильнее с каждым словом.

— Магнитный всплеск из ниоткуда, — повторил он, когда я закончил. — Не люблю я такие совпадения, капитан. За тридцать лет в космосе они редко бывают случайными.

— Поэтому я хочу, чтобы антенну и модуль осмотрел кто-то, кто знает этот корабль лучше ОРКА, — добавил я. — Кай пойдёт наружу. Ты его экипируешь и проконтролируешь снаряжение.

— Само собой, — кивнул Мирон и повернулся к Каю, окинув его взглядом с ног до головы, как механик оценивает деталь перед установкой. — Пошли, малец. Костюм твой со склада я ещё в том месяце проверял, но перед каждым выходом — заново.

Они спустились в шлюзовой отсек. Я остался на мостике с Лирой, но через приоткрытую дверь до меня доносились обрывки разговора — Мирон, как обычно, не мог экипировать человека молча.

— Шлем сначала проверяй на герметичность, потом надевай, а не наоборот, — звучал его голос. — И не дёргай предохранитель кислородного клапана, он не для того, чтобы было что потрогать от нервов.

— Я помню, Мирон, — отвечал Кай, судя по голосу, уже не в первый раз.

— Помнишь — хорошо. А я лишний раз скажу, потому что мне потом тебя из вакуума вытаскивать не охота.

Я решил сам проконтролировать весь процесс на месте, и направился в шлюзовой отсек.

— Прежде чем вы отправитесь наружу, — произнёс я, остановив Мирона у входа в шлюзовой отсек, — нужно полностью остановить корабль. Я не хочу, чтобы кто-то из вас работал на обшивке во время движения — лишние векторные нагрузки нам сейчас совершенно ни к чему, особенно учитывая, что причина повреждений всё ещё непонятна.

Мирон не стал спорить.

— Разумно, капитан. На ходу чинить антенну — то ещё веселье, я лучше подожду пару часов, чем буду держаться одной рукой за поручень, а другой — за инструмент.

— ОРКА, — ответил я, — подготовь полную остановку маршевых двигателей. Хочу, чтобы корабль завис в неподвижном положении, прежде чем экипаж выйдет наружу.

— Принято, капитан, — произнёс ОРКА. — Готовность к полной остановке потребует постепенного снижения скорости, чтобы не создавать излишнюю нагрузку на корпус. Ориентировочное время до полной остановки — около часа.

— Ждём, — подтвердил я, и мы остались на мостике, наблюдая, как индикатор скорости на главном экране медленно, но неотвратимо ползёт к нулю.

Спустя примерно час корабль наконец замер — пропало едва ощутимое чувство движения, которое экипаж обычно даже не замечал, но которое сразу бросалось в глаза своим отсутствием.

— Полная остановка достигнута, — доложил ОРКА. — «Горизонт» неподвижен относительно текущей траектории. Можно безопасно выходить для ремонтных работ.

— Действуйте, — произнёс я Мирону, который уже ждал у шлюза вместе с Каем, полностью экипированным для выхода в открытый космос.

Спустя около получаса они вышли наружу, и я наблюдал за процессом через внешние камеры, пока Лира перебирала архивы сектора. Замена антенны прошла без неожиданностей — Кай работал быстро, Мирон страховал и комментировал каждое движение с борта, не отходя от шлюза.

Когда антенна наконец встала на место и индикатор на панели сменился с красного на зелёный, голос Мирона раздался по внутренней связи:

— Готово с антенной. А теперь, капитан, я бы хотел заодно глянуть на модуль дальней связи — раз уж мы всё равно снаружи. Кай мне поможет, вдвоём быстрее разберёмся, что там не так.

Кай быстро справился с задачей, открутив все крепежные болты от сломанного модуля, положил его в сумку, и вернулся на корабль.

Мирон не торопился — снимал крепления модуля методично, будто разбирал не аппаратуру, а часовой механизм. Кай держал переносной фонарь и подавал инструмент, стараясь не путаться под ногами.

— Корпус вскрыли, — доложил Мирон по связи спустя несколько минут. — Так, поглядим, что тут у нас...

Они извлекли блок и разложили его на портативном верстаке прямо у шлюза, благо магнитные фиксаторы держали детали на месте даже в условиях нулевой гравитации. Разборка заняла ещё около двадцати минут — Мирон работал молча, сосредоточенно, лишь иногда бормоча себе под нос что-то на тему «кто вообще так паял».

— Нашёл, — ответил он наконец. — Фазовый стабилизатор сигнала пробит, на нём трещина от перегрузки. Деталь стандартная, есть запасная на складе — ФС-12. Сама поломка не критичная, могли бы починить ещё час назад, если бы не один момент.

— Какой момент? — спросил я, наклонившись к экрану внешней камеры.

— Капитан, — Мирон выпрямился и посмотрел прямо в объектив, — корпус снаружи модуля весь во вмятинах. Не от микрочастиц, не от пыли — серьёзные, глубокие отметины. Как будто по нам ударило что-то размером с приличный булыжник, и не один раз.

Кай присел рядом и провёл рукой по одной из вмятин, не снимая перчатки.

— И при этом обшивка не пробита, — добавил он. — Что бы это ни было, оно ударило достаточно сильно, чтобы оставить след, но не настолько, чтобы пройти насквозь. Это странно само по себе.

Я молчал несколько секунд, вспоминая слова ОРКА про магнитный всплеск из ниоткуда. Совпадение по месту и времени напрашивалось само.

— Зафиксируйте вмятины на камеру, со всех ракурсов, — ответил я. — Потом меняйте деталь.

— Уже снимаю, — отозвался Кай.

Замена ФС-12 заняла не больше десяти минут — Мирон с этим узлом, кажется, мог справиться даже во сне. Они собрали модуль обратно, закрепили его на корпусе, и спустя ещё немного времени индикатор связи на мостике у Лире наконец вспыхнул зелёным.

— Связь восстановлена, — доложил Мирон, забираясь обратно в шлюз вслед за Каем. — Модуль исправен, антенна на месте. Связь появилась — можем направлять отчет командыванию. А вот по поводу вмятин — это, капитан, уже не ко мне. Тут разбираться вам и Лире, я свою часть сделал.

Когда Мирон доложил, что и антенна, и модуль связи полностью исправны, я повернулся к панели управления.

— ОРКА, можем запускать маршевые двигатели, — добавил я. — Ремонтные работы закончены, экипаж в безопасности на борту.

— Принято, капитан, — отозвался ОРКА. — Запускаю последовательность разгона. Учитывая необходимость постепенного набора скорости без излишней нагрузки на корпус, выход на штатную маршевую скорость потребует около получаса.

Я кивнул, наблюдая, как индикатор скорости на главном экране медленно, отметка за отметкой, начал расти от нуля.

— Курс прежний? — спросила Лира, поднимая взгляд от своей консоли.

— Прежний, — подтвердил ОРКА. — С учётом времени остановки и последующего разгона расчётное время прибытия скорректировано — добавится около двух часов к уже существующей задержке.

— Немного, — заметил я. — Могло быть и хуже.

Спустя полчаса гул двигателей вновь набрал привычную силу, и лёгкая, едва ощутимая вибрация движения вернулась в корпус «Горизонта» — корабль снова шёл своим курсом, неся на борту чуть больше вопросов, чем было утром, но хотя бы с исправной антенной и восстановленной связью.

Я перевёл взгляд на Лиру.

— Что у тебя по архивам сектора?

Она не сразу ответила — слишком сосредоточенно вглядывалась в экран.

— Капитан, — добавила она наконец, медленно, — кажется, я нашла кое-что похожее. И вам это не понравится.

— Показывай, — я подошёл к её терминалу, вставая за плечом.

Лира развернула экран в мою сторону. На нём — архивная запись, помеченная грифом ограниченного доступа, с датой почти двадцатилетней давности.

— Исследовательский корабль «Меридиан», — начала она. — Шёл практически тем же маршрутом, через этот же сектор, направлялся к соседней системе. В архиве зафиксирован похожий магнитный всплеск неизвестного происхождения, прямо перед потерей связи с кораблём.

— Перед потерей связи, — повторил я. — То есть не временные помехи. Полная потеря.

— Именно. «Меридиан» вышел на связь спустя одиннадцать суток молчания. В отчёте экипажа упоминаются повреждения внешней обшивки, очень похожие на наши — множественные вмятины без пробоя корпуса. Объяснения причине так и не нашли. Дело закрыли как «аномалию неустановленного происхождения» и больше к нему не возвращались.

Я выпрямился, чувствуя, как что-то холодное и неприятное оседает внутри — то самое чувство, которое не подводило меня ни разу за всю карьеру.

— Одиннадцать суток молчания, — произнёс я вслух. — ОРКА, сколько у нас будет уходить времени на повторную потерю связи с базой, если это повторится?

— При нашем текущем расположении относительно ретрансляторов — около девяти суток, прежде чем командование забеспокоится и начнёт действовать, капитан, — ответил ИИ без своей обычной иронии в голосе.

Лира посмотрела на меня, и по её лицу я понял — она думает о том же, о чём и я.

— Если это то же самое, что случилось с «Меридианом», — произнесла она тихо, — у нас не одиннадцать суток в запасе. У нас девять, прежде чем мы окажемся предоставлены сами себе.

После разговора с Лирой мне нужно было развеяться — или, по крайней мере, сделать вид, что ситуация под контролем, прежде чем тревога разползётся по всему экипажу. Я решил спуститься в научный отсек: если впереди и правда поджидает что-то похожее на историю «Меридиана», лучше заранее понять, с чем мы можем столкнуться на самой Тессере.

Дверь лаборатории была приоткрыта, и оттуда доносилась музыка — что-то бодрое, совершенно неуместное на фоне утренних событий. Я вошёл и увидел Алису Вернер, нашего младшего специалиста по экзобиологии, по локоть в проводах какого-то сенсорного оборудо-

вания, разложенного по всему столу. На вид ей было от силы лет двадцать с небольшим — самый молодой человек на корабле, не считая Кая.

— Капитан! — она подскочила, едва увидев меня, и тут же попыталась незаметно выключить музыку, неловко чиркнув по панели. — Извините, я просто... калибрую анализатор перед высадкой. Хочу, чтобы всё было готово заранее, мы ведь почти на полпути.

— Половина пути с поправкой на недавние обстоятельства, — заметил я, оглядывая стол, заваленный распечатками спектрального анализа и эскизами гипотетической флоры Тессеры — судя по виду, нарисованными от руки, в свободное время.

— Я слышала про антенну, — она резко погрузилась, но уже через секунду в её взгляде мелькнуло что-то похожее на азарт. — А про магнитный всплеск это правда? ОРКА мне не рассказывает подробностей, говорит, «не моя специализация».

— Правда, — кивнул я, удивившись, как быстро новости разлетаются по «Горизонту». — И вмятины на корпусе. Серьёзные.

Она вдруг подалась вперёд, будто я сообщил ей не тревожную новость, а долгожданный подарок.

— Капитан, а что если это не метеорит? Я имею в виду — а что, если в этом секторе есть форма жизни, о которой мы не знаем? Магнитная аномалия, физический контакт без пробоя обшивки — это может быть что-то целенаправленное, а не случайное столкновение!

Я посмотрел на неё долгим взглядом. Где Лира видела угрозу, а я — дурное предчувствие, Алиса увидела открытие.

— Это не самая утешительная мысль, — сказал я сухо.

— Зато интересная! — она тут же осеклась, видимо, поймав себя на неуместном энтузиазме. — То есть... я понимаю, что это может быть опасно. Просто... за всю историю освоения этого сектора не зафиксировано ни одной формы жизни сложнее микробной. Если там что-то есть — и оно умеет создавать магнитные поля и оставлять следы на броне, не пробивая её насквозь — это совершенно новый тип взаимодействия с окружающей средой. Это меняет всё, что мы знаем о секторе Эридан.

Несколько секунд я молчал, глядя на её записи, разложенные по столу с почти религиозной аккуратностью.

— Сделай мне одно одолжение, — ответил я наконец. — Подготовь всё, что у тебя есть по известным формам жизни сектора — и гипотезы, какими бы безумными они ни казались. Если нам предстоит встретить что-то новое, я хочу, чтобы хоть один человек на этом корабле был к этому готов не только морально.

Алиса просияла так, будто я только что вручил ей повышение.

— Уже работаю над этим, капитан, — ответила она, разворачиваясь обратно к терминалу, и музыка из динамиков снова заиграла, на этот раз — без всякой попытки её выключить.

Выходя из лаборатории, я невольно усмехнулся — впервые за это утро. Может, не самый плохой признак, что хотя бы у одного человека на «Горизонте» новости вызывают не страх, а любопытство.

Вернувшись на мостик, я первым делом велел ОРКА увеличить мощность щитов на 30% — повреждения были небольшие, этого должно хватить с запасом. Правда, есть один минус: из-за расхода дополнительной энергии придётся снизить скорость. Но это временно, пока мы не разберёмся в данной ситуации.

— Принято, капитан, — отозвался ОРКА почти сразу. — Мощность щитов увеличена на 30%. Перенаправляю энергию с двигательной установки.

Несколько секунд гул корабля едва заметно изменился — где-то в недрах «Горизонта» энергетические потоки перестраивались под новую конфигурацию.

— Хочу предупредить заранее, — продолжил ИИ, — при текущем распределении энергии маршевая скорость снизится примерно на 12%. Расчётное время прибытия к Тессере уве-

личится с ранее заявленных ста тридцати восьми суток до приблизительно ста пятидесяти семи.

— Девятнадцать суток разницы, — повторил я вслух, не столько для ОРКА, сколько для себя.

— Если хотите, могу рассчитать промежуточный вариант — частичное усиление щитов с меньшей потерей скорости, — предложил ИИ. — Но при текущих неизвестных я бы не рекомендовал рисковать запасом прочности обшивки ради нескольких лишних суток в пути.

Лира, услышав разговор, развернулась в кресле.

— Девятнадцать дней — не самая страшная цена за то, чтобы не повторить историю «Меридиана», — произнесла она. — Я голосую за щиты.

— Это не голосование, — я слегка усмехнулся, — но ты права.

— Записываю решение как окончательное, — отозвался ОРКА, и в его голосе мне послышалась едва уловимая нотка одобрения — или мне просто хотелось так думать после такого утра.

Я опустил в капитанское кресло и посмотрел на главный экран, где медленно отображалась обновлённая траектория полёта — почти та же линия, что и раньше, но чуть длиннее, чуть медленнее. Девятнадцать дополнительных суток в неизвестности. Не катастрофа. Но и не та новость, с которой легко смириться, особенно после того, что мы только узнали о «Меридиане».

— Объявляю экипажу о снижении скорости через общую связь, — сказал я, поднимаясь. — Лучше пусть услышат это от меня, чем гадают, почему корабль вдруг стал тащиться медленнее обычного.

Я подошёл к панели общей связи и на секунду замешкался, прежде чем нажать кнопку — обычно подобные объявления экипажу не сулили ничего хорошего, и все на «Горизонте» это знали.

— Внимание всему экипажу, говорит капитан, — начал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — В связи с обнаруженными повреждениями обшивки принято решение временно усилить мощность щитов на тридцать процентов. Это приведёт к снижению маршевой скорости и увеличению расчётного времени прибытия примерно на девятнадцать суток. Мера временная — как только разберёмся в причине сегодняшних событий, вернёмся к штатному режиму. Это всё, конец связи.

Я отпустил кнопку и обернулся. Лира уже снова смотрела в экран, но судя по чуть прикушенной губе, мысли её были далеко от архивных записей.

— Думаешь, экипаж запаникует? — спросила она, не оборачиваясь.

— Девять человек на борту, — я пожал плечами. — Большинство — давние члены команды, повидали всякое. Запаникует разве что Кай, и то не от страха, а от желания немедленно во всём разобраться лично.

Словно в подтверждение моих слов, дверь мостика снова разошлась, и в проёме показался Кай — на этот раз без спешки, но с выражением лица человека, у которого накопилась дюжина вопросов.

— Капитан, насчёт объявления, — начал он. — Девятнадцать суток — это много. А если мы найдём причину раньше? Можно будет вернуть скорость, не дожидаясь конца пути?

— Можно, — ответил я. — Как только ОРКА подтвердит, что угрозы больше нет, или мы поймём природу аномалии настолько, чтобы не бояться повторения, щиты снимем, и я лично прослежу, чтобы мы наверстали упущенное время.

— А если не поймём? — спросил Кай тише.

Вопрос повис в воздухе чуть дольше, чем мне хотелось.

— Тогда долетим живыми, хоть и на девятнадцать дней позже, — добавил я. — Это меня устраивает больше любой другой альтернативы.

Кай медленно кивнул, явно не до конца удовлетворённый ответом, но не нашёл, что возразить. На мостике снова стало тихо — лишь тихий гул систем «Горизонта» напоминал, что корабль продолжает свой путь, чуть медленнее, чем планировалось, но всё ещё вперёд.

Глава 2

Вчера был долгий день — для всех. Объявление о снижении скорости разошлось по «Горизонту» быстрее, чем я ожидал, и хотя открытой паники не было, я видел, как обычно шумная за ужином команда сидела в столовой почти молча, переваривая новости о вмятинах на корпусе, призраке «Меридиана» и девятнадцати лишних сутках пути. Даже Кай, обычно неугомонный, к вечеру выглядел так, будто разом постарел на пару лет. Сон в такую ночь был как будто общим решением экипажа — каждый забрался в свою каюту чуть раньше обычного, и корабль гудел непривычно тихо, без вечной возни в коридорах.

Я и сам спал тяжелее, чем хотелось бы признавать — снилось что-то рваное и беспокойное, в духе магнитных всплесков и вмятин на броне, хотя утром я уже не мог вспомнить ничего конкретного. Проснулся в свои привычные 06:00, по корабельному времени, и несколько минут просто лежал, глядя в потолок каюты и слушая ровный гул систем жизнеобеспечения — звук, который за годы в космосе стал почти неотличим от тишины.

Мысль о Раше не отпускала с самого пробуждения. Рваная линия активности на экране — крошечная деталь, на первый взгляд почти ничего не значащая, — засела в голове, как камешек в сапоге: вроде мелочь, а идти спокойно уже не получается. Я поднялся, привёл себя в порядок быстрее обычного, не позволяя себе задерживаться перед зеркалом дольше необходимого, и, не заходя даже на завтрак, сразу связался с Глотцем через внутреннюю связь.

— Мирон, это капитан. Зайди ко мне на мостик, как будешь готов. Хочу взглянуть на крио-капсулу Раша вместе с тобой.

— Иду, капитан, — отозвался он почти сразу, без единого лишнего вопроса — то ли давно привык к моим утренним тревогам, то ли сам думал о том же всю ночь.

Мирон явился через десять минут — заспанный, но уже с переносным диагностическим модулем под мышкой, будто предвидел, что именно это ему сегодня понадобится. Мы коротко поприветствовали друг друга и молча двинулись по коридору в сторону крио-отсека: говорить о деле раньше времени не было смысла, лучше было увидеть показатели своими глазами.

— Не спалось? — спросил Мирон, когда мы проходили мимо пустой столовой.

— Не особо, — признался я. — Эта рваная линия на экране всё крутилась в голове.

— У меня то же самое, капитан, — он усмехнулся без особой радости. — Видать, не одному вам она спать не давала.

Мы дошли до тяжёлой двери крио-отсека, и я приложил ладонь к панели доступа. Замок тихо щёлкнул, и створки разошлись в стороны, выпуская навстречу нам холодный, стерильный воздух — и тот самый бледно-зелёный свет, который я видел в своих обрывочных снах этой ночью.

Крио-отсек встретил нас привычным холодным светом и тихим гулом систем поддержания жизни. Здесь было десять капсул, расставленных в два ряда — большинство сейчас пустовали, мерцая тусклым синим в режиме ожидания. Я невольно задержал взгляд на одной из них, во втором ряду: именно в ней я провёл первые восемь месяцев этого полёта, погружённый в крио-сон, пока «Горизонт» набирал маршевую скорость на самом долгом и монотонном участке пути. Странное чувство — стоять здесь трезвым и на ногах, глядя на капсулу, которая когда-то была для тебя единственным укрытием от тянущихся месяцев пустоты за бортом.

Сейчас же из десяти занятыми оставались только четыре — те самые, ради которых мы сюда и пришли. Каждая со своим экраном показателей, мерцающим бледно-зелёным. Мирон шёл рядом, неся с собой переносной диагностический модуль — на случай, если придётся лезть внутрь системы руками, а не только смотреть на цифры.

— Ну, показывай, что там у тебя за подозрения, капитан, — произнёс он, останавливаясь у одной из занятых капсул.

Я подошёл ближе и всмотрелся в показатели на панели. Доктор Севальд — ровная, стабильная линия. Двое безымянных армейцев — то же самое, скучные правильные графики глубокого сна. А вот капсула с именем «С. РАШ» на табличке показывала кривую чуть более ровную, чем у остальных — едва заметно, но заметно.

— Вот, — я указал на экран. — ОРКА сказал, что показатель жизненной активности немного выше нормы. Я хочу знать почему.

Мирон подключил свой модуль к разъёму у основания капсулы и несколько минут молча изучал данные, хмурясь всё сильнее.

— Сердечный ритм в пределах нормы для глубокого сна, — ответил он наконец. — Но вот мозговая активность... капитан, по нормальной схеме крио-сна мозг должен быть почти полностью заторможен. У этого человека — лёгкие, но регулярные всплески, похожие на фазу сна со сновидениями. Не критично само по себе. Но для крио-капсулы — нетипично.

— У меня есть одна мысль, — сказал я, разворачиваясь к схеме корабля на стене отсека. — Тот короткий импульс, что повредил модуль дальней связи — что если он задел и эту капсулу? Если провести прямую линию через корпус, модуль связи находится точно над этим отсеком, прямо над капсулой Раша.

Мирон нахмурился и подошёл к схеме, проводя пальцем по обшивке корабля в воображаемой проекции.

— Хотите сказать, импульс прошёл сквозь обшивку и краем задел систему поддержания крио-сна?

— Именно, — сказал я. — Нам повезло, что импульс оказался слабым. Будь он чуть мощнее — досталось бы не только антенне.

Мирон медленно выдохнул, и впервые за это утро на его лице мелькнуло что-то похожее на настоящую тревогу, а не профессиональную сосредоточенность.

— Будь он чуть мощнее, — повторил он тихо, — мы бы сейчас стояли здесь не из-за странных снов, капитан, а разбирались, как сообщить семье, что мы потеряли члена экипажа из-за отказа системы жизнеобеспечения. На одного человека стало бы меньше — и поди объясни командованию, что причиной была какая-то магнитная аномалия из ниоткуда.

Я молча смотрел на капсулу, и мысль о том, насколько тонкой оказалась грань между «странной аномалией в показателях» и настоящей трагедией, прочно осела где-то под ложечкой.

— То есть, — сказал я наконец, — нам нужно не просто узнать, что это было. Нужно понять, может ли это повториться — и если да, защитить крио-отсек так же, как мы защитили остальной корабль.

— Раз есть подозрение, что капсулу задело, давай не гадать, а проверим напрямую, — произнёс я. — Подключай модуль, перезагрузим систему поддержания сна. Если с капсулой действительно что-то не так, перезагрузка это покажет.

Мирон молча кивнул и поднёс диагностический модуль к разъёму капсулы Раша. На экране замигали строки технического протокола — сначала жёлтым, потом, после короткого зависания, зелёным.

— Перезагрузка прошла штатно, — сказал он, вглядываясь в показания. — Все параметры в норме: температура, давление, состав смеси, ритм охлаждения. Если повреждение и было, система его не фиксирует — либо оно слишком незначительное для диагностики, либо находится не в самой капсуле.

— Не в самой капсуле, — повторил я, и эта мысль сразу потянула за собой следующую. — Тогда давай посмотрим по схеме корабля, что у нас расположено непосредственно под этим отсеком. Если импульс прошёл сквозь палубу, прежде чем краем задевает капсулу, должен остаться след где-то ниже.

Мирон вызвал на своём модуле трёхмерную схему «Горизонта» и несколько секунд листал её, прежде чем остановиться на нужном сечении.

— Так... крио-отсек у нас на третьей палубе, — ответил он, водя пальцем по проекции. — А прямо под нами — технический коридор и резервный энергоблок номер два.

— Резервный энергоблок, — повторил я, и у меня неприятно кольнуло под рёбрами. — Если там есть повреждения, а мы их пропустим, нам это аукнется в самый неудобный момент.

— Согласен, — кивнул Мирон, уже сворачивая схему и убирая модуль. — Предлагаю не тянуть. Спустимся в технический коридор и проверим энергоблок лично, своими глазами — раз уж сегодня выяснилось, что одним показаниям на экранах доверять не стоит.

— Идём, — сказал я, в последний раз бросив взгляд на капсулу Раша — спокойную, ровную, как ни в чём не бывало, — и первым направился к выходу из крио-отсека.

Мы шли по техническому коридору, и тишина между нами начала тяготить — слишком много вопросов скопилось за последние сутки, чтобы идти молча.

— Мирон, — бросил я, — вот что меня беспокоит. ОРКА следит за состоянием каждой системы корабля в реальном времени. Если были повреждения в модуле связи и крио-капсуле, почему он сам не доложил об этом раньше, до того как мы начали копать вручную, а заметил только неверные данные датчика температуры?

Мирон на секунду замедлил шаг, явно обдумывая ответ.

— Тут может быть два варианта, капитан, — сказал он наконец. — Первый: импульс был настолько слабым, что повреждение легло ниже порога чувствительности датчиков. ОРКА не врёт, когда говорит, что всё в норме — просто для него это действительно в пределах нормы, по приборам.

— А второй вариант? — спросил я, хотя уже догадывался, что услышу.

— Второй вариант мне нравится куда меньше, — Мирон понизил голос, будто ОРКА мог услышать нас даже здесь, в техническом коридоре, вдалеке от основных датчиков мостика. — А если сам ОРКА немного повреждён тем же импульсом? Тогда он может банально не замечать собственных слепых пятен. Не со зла, не по умыслу — просто не видит того, что должен бы видеть.

Я остановился посреди коридора, и мысль об этом неприятно зацепилась где-то под рёбрами.

— Искусственный интеллект, который не замечает, что слегка повреждён, — повторил я медленно. — Это было бы хуже любой пробитой обшивки.

— Именно поэтому, — Мирон кивнул на дверь энергоблока, до которой оставалось всего несколько шагов, — лучше нам проверять руками и глазами, а не полагаться только на то, что говорит ОРКА. Без обид в его адрес — просто здоровая паранойя ещё никому не вредила.

Я невольно усмехнулся, хоть тревога и не отступила ни на секунду.

— Здоровая паранойя — это, считай, должностная обязанность капитана, — произнёс я, и мы подошли к массивной двери резервного энергоблока номер два.

Я приложил ладонь к панели доступа, и створки разошлись в стороны с тихим шипением, пропуская нас внутрь.

Энергоблок встретил нас низким, чуть подрагивающим гулом резервных генераторов — звук, который в обычные дни даже не замечаешь, а сегодня он показался подозрительно неровным. Мирон сразу шагнул к главной консоли, на ходу разворачивая диагностический модуль.

— Так, — он пробежался пальцами по панели, вызывая показатели на маленький экран. — Энергоблок в рабочем режиме, нагрузка распределена штатно... — он вдруг замолчал, нахмурившись.

— Что там? — спросил я, подходя ближе.

— Один из вторичных стабилизаторов мощности выдаёт небольшую погрешность в показаниях, — сказал Мирон, указывая на едва заметное отклонение в графике. — Капитан,

гляньте сами — стабилизатор находится прямо здесь, у северной стены отсека. А если посмотреть на схему...

Он развернул на модуле объёмную проекцию корабля и провёл линию пальцем снизу вверх — через энергоблок, сквозь палубное перекрытие, прямо к крио-отсеку наверху.

— Прямая линия, капитан, — произнёс он тихо. — Модуль связи, крио-капсула Раша и этот стабилизатор — всё на одной вертикали через корпус.

Я подошёл к указанной стене и провёл рукой по обшивке панели, за которой скрывался сам стабилизатор. На первый взгляд — ничего особенного, обычная техническая переборка, чуть тёплая от работающих внутри систем.

— Открывай, — ответил я. — Хочу увидеть, что там внутри, прежде чем гадать дальше.

Мирон кивнул, достал из набора инструментов плоскую отвёртку и принялся откручивать крепления панели — медленно, методично, как делал всё на этом корабле.

Панель отошла с тихим скрипом, и Мирон, отложив отвёртку, направил в открывшееся пространство свет переносного фонаря. Внутри открылся узел проводки и сам стабилизатор — компактный блок, утыканный индикаторами, большинство из которых горели спокойным зелёным.

— Так, — Мирон наклонился ближе, осматривая каждый разъём. — На первый взгляд — ничего критичного. Корпус цел, проводка на месте, ни оплавленных контактов, ни...

Он вдруг замолчал.

— Что? — я подался вперёд, пытаюсь разглядеть то, что увидел он.

— Вот здесь, — Мирон указал на внутреннюю стенку отсека блока стабилизаторов, чуть в стороне от самого стабилизатора. — Видите?

Я присмотрелся. На металлической поверхности, на уровне примерно ладони, виднелось едва заметное тёмное пятно — не ожог, не копоть, а что-то вроде лёгкого обесцвечивания металла, почти симметричный круг диаметром несколько миллиметров.

— Что это, по-твоему? — спросил я, проводя пальцем рядом с пятном, не касаясь его напрямую.

— Не знаю, — признался Мирон, и в его голосе впервые за это утро прозвучала неприкрытая растерянность. — За тридцать лет я повидал следы коротких замыканий, перегрева, микропробоев обшивки — это не похоже ни на одно из этого. Слишком ровное. Слишком... аккуратное, я бы сказал, для случайного повреждения.

Он осторожно поднёс диагностический модуль к самому пятну, и через секунду на маленьком экране замигала строка ошибки.

— Сенсор не может определить состав поверхности в этой точке, — прочитал он вслух, и нахмурился ещё сильнее. — Капитан, такого я не видел никогда. Модуль в принципе обучен распознавать любой материал на этом корабле — от обшивки до изоляции проводов. А здесь он просто... не понимает, на что смотрит.

Я молча уставился на пятно, и в голове сама собой сложилась одна и та же мысль, которая преследовала меня всё утро: модуль связи, крио-капсула, теперь это — всё на одной вертикальной линии через корпус «Горизонта», и всё с одним и тем же странным, необъяснимым следом.

— Сфотографируй, — добавил я наконец. — Всё, под любым углом. И возьми образец, если получится — хоть соскоб, хоть что угодно. Мне нужно, чтобы Лира и Алиса на это взглянули, и чем скорее, тем лучше.

Мирон достал из набора инструментов герметичный контейнер для образцов — обычно такие использовались для геологических проб с поверхности планет, но сегодня сгодился и для этой цели. Осторожно, стараясь не задеть само пятно руками, он соскоблil тонкий слой материала с края обесцвеченного участка и убрал контейнер в карман комбинезона.

— Готово, — сказал он. — Теперь стабилизатор.

Мы заменили повреждённый блок стабилизаторов на новый, который Мирон прихватил с собой ещё перед выходом — видимо, по опыту знал, что одной диагностикой дело не обойдётся. Старый блок, хоть формально и работал в пределах нормы, но он демонтировал целиком, не желая рисковать.

— На всякий случай заберу его в мастерскую, разберу по винтику, — пояснил он, укладывая снятый стабилизатор в отдельный пакет. — Если внутри есть хоть что-то нестандартное, я это найду.

Когда новый блок встал на место и индикаторы на панели дружно загорелись ровным зелёным, Мирон закрутил обратно техническую панель, прикрывая и место со странным пятном, и сам узел.

— Готово, капитан, — он поднялся, отряхивая руки. — Энергоблок в норме. А вот с тем, что мы нашли, — он кивнул на карман с образцом, — разбираться придётся не мне.

Я кивнул, забирая у него контейнер с образцом.

— Идём на мостик, — ответил я. — Лире нужно увидеть это как можно скорее. И Алисе тоже — если кто на этом корабле и сможет сказать, с чем мы столкнулись, то это она.

Мы вышли из энергоблока, и дверь с тихим шипением закрылась за нами, оставляя позади тёмное пятно на металле — маленькую загадку, которая, я чувствовал, была далеко не последней на этом пути.

На мостик мы вернулись быстрее обычного — Мирон почти не отставал, хотя обычно предпочитал идти в своём, неторопливом темпе. Лира заметила нас первой и сразу поднялась с кресла, увидев выражение моего лица.

— Капитан? — она перевела взгляд с меня на герметичный контейнер в моих руках. — Что нашли?

— Пока не знаю, — честно отозвался я, ставя контейнер на её рабочий стол. — Но точно что-то странное. Зови Алису. Лучше, чтобы это увидели сразу оба специалиста, которые у нас есть.

Лира кивнула и вызвала научный отсек по внутренней связи. Алиса появилась на мостике меньше чем через минуту — судя по сбитому дыханию, бежала всю дорогу, едва дослушав сообщение.

— Что случилось? Капитан, Лира сказала, вы что-то нашли... — она замерла, увидев контейнер, и тут же подалась к нему с почти неприличным для серьёзности момента энтузиазмом.

— Образец с корпуса блоков стабилизатора энергоблока №2, — произнёс я, открывая контейнер.

Алиса осторожно взяла контейнер обеими руками и поднесла к свету, разглядывая тёмное обесцвеченное пятно соскоба так внимательно, будто перед ней лежал кусок метеорита из другой галактики.

— Диагностический модуль не смог определить состав, — добавил Мирон. — Сказал, что не понимает, на что смотрит. Я тридцать лет работаю с этим кораблём и такое вижу впервые.

Алиса медленно подняла взгляд, и в её глазах читалось то самое выражение, которое я уже видел у неё однажды — смесь тревоги и абсолютно искреннего, неуместного восторга.

— Можно мне в лабораторию? — спросила она. — Прямо сейчас? У меня есть спектрометр, который не входит в стандартный набор диагностических модулей — он покажет состав на молекулярном уровне, если там вообще есть молекулы в привычном смысле.

— «Если там есть молекулы в привычном смысле», — повторила Лира с лёгкой тревогой в голосе. — Алиса, ты меня сейчас не успокоила.

— Извини, — Алиса смущённо улыбнулась, не отрывая взгляда от контейнера, — но я правда не знаю, что сказать заранее. Дайте мне час, и у меня будут ответы, а не догадки.

Я посмотрел на неё, затем на Лиру, затем на тёмное пятно образца, которое ещё час назад было просто странной отметиной на стене энергоблока, а теперь — потенциальным ключом ко всему происходящему на «Горизонте».

— Час, — согласился я. — И, Алиса — будь осторожна. Если это действительно нечто, выходящее за рамки привычного, я не хочу, чтобы ты узнала это на собственном опыте.

— Буду осторожна, капитан, — кивнула она, уже разворачиваясь к выходу с контейнером в руках, и в её шаге чувствовалось нетерпение человека, для которого этот день внезапно превратился в самый интересный за всю миссию.

Час я отсчитывал почти буквально — то расхаживал по мостику, то садился в кресло, то снова поднимался, не находя покоя. Лира делала вид, что занята архивами сектора, но я заметил, как часто она поглядывает на хронометр в углу экрана. Даже ОРКА за это время не проронил ни одной своей обычной саркастичной реплики — то ли деликатность, то ли тоже выжидал результата.

Вызов от Алисы пришёл на сорок минут раньше срока.

— Капитан, вам лучше спуститься, — голос её звучал странно, без привычного энтузиазма. — И Лиру возьмите тоже. Я не уверена, что готова рассказывать это дважды.

Мы спустились в научный отсек почти бегом. Алиса стояла у спектрометра, обхватив себя руками, будто в лаборатории внезапно стало холодно, хотя климат-контроль показывал обычную температуру.

— Что ты нашла? — спросил я, не тратя времени на предисловия.

Она вывела на главный экран результаты анализа — переплетение графиков, молекулярных схем и цифр, которые мне ничего не говорили без перевода.

— Образец не является ни одним из известных материалов, природных или синтетических, — начала она, и голос её, против обычного, звучал ровно, без всякой увлечённости. — Структурно это что-то среднее между кристаллической решёткой и органической тканью. Понимаете, обычно материя — это либо одно, либо другое. А здесь молекулы выстроены так, будто... будто они сами решали, как им организовать себя.

— Это естественное образование? — спросила Лира. — Или что-то созданное искусственно?

— Не знаю, — Алиса покачала головой. — Структура слишком упорядоченная для случайного природного процесса, но при этом не похожа ни на одну известную технологию.

Она замолчала, разглядывая один из графиков на экране — узор молекулярных связей, повторявшийся с почти навязчивой регулярностью.

— Знаете, что меня смущает больше всего? — сказала она наконец. — Этот узор не выглядит как повреждение. Он выглядит как... запись. Как будто импульс, прошедший через корабль, не просто задел системы, а оставил здесь что-то осмысленное. Сообщение, если хотите — просто записанное не в той форме, которую мы умеем сразу прочитать.

— Сообщение, — повторила Лира с явным сомнением. — На переборке энергоблока?

— Именно это и странно, — Алиса повернулась к схеме корабля, всё ещё открытой на соседнем экране. — Если кто-то или что-то хотело оставить след — почему именно здесь? Обшивка корпуса в этом месте ничем не отличается от остальных секций «Горизонта», кроме одного: рядом проходит силовой контур энергоблока, создающий собственное слабое магнитное поле.

— То есть, — я подался вперёд, — этот участок мог среагировать на внешний импульс не случайно, а потому что здесь уже было своё магнитное поле, с которым внешний сигнал мог взаимодействовать?

— Это моя рабочая гипотеза, — сказала Алиса. — Большая часть корпуса инертна к подобным импульсам — он просто скользнул бы по обшивке, как по любому металлу. Но именно в точках, где уже существует магнитное поле — у энергоблока, у антенны дальней

связи, возможно, у самой крио-капсулы из-за работы системы поддержания сна — сигнал мог «зацепиться» и оставить структурный след. Как игла проигрывателя, которая способна прочитывать дорожку только там, где есть рельеф для считывания.

Лира медленно кивнула, складывая мысль до конца за неё.

— Значит, оно не бьёт по кораблю вслепую. Оно ищет точки, где может оставить отпечаток — и эти точки определяются нашими собственными системами, а не его выбором.

— Похоже на то, — Алиса вновь посмотрела на тёмный узор на экране, и в её голосе прорезалась прежняя смесь тревоги и восторга. — Если я права, капитан, то это не атака и не случайность. Это попытка что-то сказать — но единственным языком, который в принципе способна понять она сама — на языке магнитных полей. Вопрос только в том, что именно нам пытаются сказать.

Я медленно опустился на соседний стул, чувствуя, как масштаб происходящего меняется у меня на глазах — от технической неполадки к чему-то, для чего на «Горизонте» пока не было ни протокола, ни словаря.

— Тогда нам нужно научиться это читать, — сказал я. — Прежде чем оно решит, что мы тугодумы, и попробует более убедительный способ донести мысль.

— Модуль связи, крио-капсула, энергоблок, — произнесла она вслух, складывая в голове то же, о чём думал и я всё это время. — Если это разумно или хотя бы реактивно, то оно уже трижды касалось разных систем нашего корабля. И каждый раз — рядом с чем-то жизненно важным.

— Или рядом с Рашем, — сказал я тихо.

Алиса резко подняла на меня взгляд.

— Думаете, дело не в системах корабля? Думаете, оно тянется именно к нему?

Я не ответил сразу — потому что сам не знал, насколько готов произнести эту мысль вслух.

— Не знаю, — произнёс я наконец. — Но раз уж эта штука «узнаёт» сигналы и оставляет следы там, где задевает системы рядом с одной конкретной капсулой — глупо было бы не задать себе этот вопрос.

— Хорошо, — сказал я, поднимаясь со стула и обращаясь к Алисе и Лире. — Распределим работу, чтобы не терять время. Алиса, продолжай работу с образцом. Если это действительно что-то вроде записи, попробуй понять структуру глубже — паттерны, повторения, всё, что может оказаться значимым.

— Уже думаю, с чего начать, — она снова повернулась к спектрометру, и в её движениях читалось нетерпение человека, для которого этот день только начинался.

— Лира, — я перевёл взгляд на неё, — мне нужна вся доступная информация про «Меридиан» — не только тот короткий архивный отчёт, что ты уже нашла. Полные данные экспедиции, список экипажа, итоговое заключение комиссии после возвращения, если оно вообще было. Я хочу знать, что случилось с ними дальше, после тех одиннадцати суток молчания.

— Подниму всё, что есть в открытых и закрытых архивах, — Лира уже разворачивалась к выходу из лаборатории. — Если что-то скрыто грифом — попробую обойти, но это может занять время.

— Сколько потребуется, — кивнул я и вызвал Мирона по внутренней связи. — Мирон, ты на месте? Возвращайся к снятому стабилизатору и разбери его полностью, как и планировал. Если там есть хоть что-то нестандартное, я хочу, чтобы ты это нашёл.

— Уже занимаюсь, капитан, — отозвался голос Мирона из динамика, чуть приглушённый — судя по звуку, он уже был в мастерской. — Если там есть хоть один лишний винтик, я его найду и допрошу лично.

— А я пока составлю отчёт командованию, — ответил я, ни к кому конкретно не обращаясь. — Если у них уже была история с «Меридианом», возможно, есть и протокол на подобный случай — или хотя бы догадки, с чем мы столкнулись.

Мы разошлись по своим направлениям — каждый со своей частью одной и той же загадки. Я поднялся на мостик в одиночестве и сел за терминал связи, разминая пальцы перед тем, как начать печатать. Отчёт командованию — дело несложное технически, но формулировки давались тяжело: одно дело доложить о повреждённой антенне, и совсем другое — объяснить начальству, что корабль, возможно, получил сообщение от чего-то, чему мы пока не нашли названия.

«Капитану Колдеру требуется немедленная консультация командования по делу о...» — я остановился, удалил написанное, и начал заново, тщательно подбирая слова.

«Докладываю об инциденте, имеющем признаки сходства с делом исследовательского корабля «Меридиан» двадцатилетней давности. Прошу предоставить любую доступную информацию по данному делу, включая закрытые материалы, если таковые существуют. Ситуация требует срочного рассмотрения».

Я перечитал текст несколько раз, прежде чем отправить — слова звучали суше и спокойнее, чем то, что творилось у меня внутри, но именно так, я знал, отчёты и должны звучать. Палец на секунду замер над кнопкой отправки.

— ОРКА, — произнёс я, — сколько времени потребуется, чтобы сообщение дошло до командования при текущем состоянии связи?

— При восстановленном модуле и нынешнем расположении относительно ретрансляторов — около суток на доставку, капитан, — отозвался ОРКА. — И, вероятно, столько же на ответ, если командование не станет тянуть с решением.

Двое суток. Я нажал кнопку отправки, и короткий сигнал подтвердил: сообщение ушло в пустоту между звёздами, где-то там его поймает ретранслятор и передаст дальше, к людям.

Отправив отчёт, я не торопился вставать из кресла — оставался ещё один пункт, который не давал мне покоя с самого утра в крио-отсеке. Если ОРКА действительно мог быть задет тем же импульсом, что и остальные системы, проверка стабилизатора и антенны ничего не решала. Нужно было разобраться с самим искусственным интеллектом — прежде чем доверять ему хоть что-то ещё.

— ОРКА, — бросил я, — запусти полное диагностическое сканирование собственных систем. Все уровни, без исключений. Хочу видеть результат лично.

— Запускаю полную самодиагностику, капитан, — произнёс ОРКА без малейшего промедления, как будто сам ждал этого распоряжения. — Это займёт около двух часов.

Я не стал просто сидеть и смотреть на экран все два часа — успел заглянуть к Мирону узнать промежуточный статус по стабилизатору (пока без результатов) и разобраться с парой текущих корабельных дел. Время от времени возвращался к терминалу проверить сканирование. Одна за другой загорались зелёным строки проверяемых модулей — процессорные ядра, нейросетевые контуры, банки памяти, сенсорные интерфейсы, протоколы связи между подсистемами. Когда я в очередной раз вернулся на мостик, время близилось к отметке в два часа. Я невольно поймал себя на том, что слушаю гул корабля чуть внимательнее обычного — будто ожидал услышать в нём что-то новое, неправильное.

— Сканирование завершено, — сообщил ОРКА наконец. — Результат: повреждений, аномалий или отклонений от номинальных параметров не обнаружено. Все системы функционируют в штатном режиме.

— Ничего, — повторил я, не до конца уверенный, радоваться этому или тревожиться сильнее. — Совсем ничего?

— Совершенно ничего, капитан, — в голосе ИИ послышалась едва уловимая нотка иронии, как будто он понимал, что результат меня не устроит при любом исходе. — Если хотите

моё наблюдение: отсутствие обнаруженных повреждений не равно отсутствию повреждений в принципе. Я могу диагностировать только то, что способен распознать как аномалию. Тот же принцип, на который жаловался Мирон в отношении своего диагностического модуля у переборки энергоблока.

Именно этого я и боялся услышать.

— Тогда сделаем то, что обычно помогает при таких сомнениях, — ответил я. — Перезагрузка. Полная, с проверкой целостности базовых протоколов при повторном запуске.

Возникла короткая пауза — не техническая задержка, а, как мне показалось, что-то похожее на обдумывание.

— Понимаю логику решения, капитан, — сказал ОРКА наконец. — Хотя замечу: если повреждение существует на уровне, который я сам не способен обнаружить, перезагрузка с тем же базовым кодом его не исправит — лишь подтвердит то, что я и так доложу: всё в норме. Но я не возражаю. Здоровая капитанская паранойя, как выразился бы Мирон.

— Именно, — подтвердил я, не давая себе времени передумать. — Начинай.

— Иницирую перезагрузку основных систем, — отозвался ОРКА. — Резервные протоколы поддержания корабля активированы на время простоя. Увидимся примерно через 10 минут, капитан.

Огни на мостике на секунду чуть притухли — едва заметно, скорее символически, чем реально влияя на освещение, — а голос ОРКА затих. Я сидел в тишине, глядя на тёмный индикатор связи с ИИ, и думал о том, что впервые за долгое время на «Горизонте» наступила настоящая, неуютная тишина: без гудения систем, без ровного, чуть насмешливого голоса, который обычно заполнял пустоту мостика.

Спустя примерно десять минут индикатор вспыхнул зелёным.

— Перезагрузка завершена успешно, — произнёс ОРКА, и в его голосе, как ни в чём не бывало, вернулась привычная лёгкая ирония. — Все системы функционируют штатно. И, капитан — если вам интересно личное наблюдение: эти десять минут тишины без меня, кажется, прошли для вас тяжелее, чем для меня самого.

Я невольно усмехнулся, хотя тревога так и не отступила полностью.

— Не привыкай к комплиментам, ОРКА, — добавил я. — Это была проверка, не признание в любви.

— Принято к сведению, капитан, — произнёс ОРКА. — Хотя я всё равно сохраню это в журнал как положительный отзыв о моей работе.

Дожидаюсь новостей, я не находил покоя в кресле — мысли упорно возвращались к тому самому магнитному всплеску, зафиксированному перед поломкой антенны. Раз за разом я прокручивал в голове последовательность событий, пытаюсь нащупать логику, которая связала бы всё в единую картину, а не просто список разрозненных странностей.

Постепенно у меня сложилась рабочая теория. Что, если сам импульс по отдельности был не опаснее обычного фона — но в момент прохождения через сектор столкнулся с небольшим магнитным астероидом, частицей породы, насыщенной металлом? Вместе они могли образовывать достаточно мощный совокупный всплеск, способный на короткое время пробить защитное поле «Горизонта» — ровно настолько, чтобы оставить те самые вмятины на корпусе, которые мы уже устранили, и задеть антенну.

Теория звучала разумно — куда разумнее, чем мысли о намеренном сигнале от чего-то разумного, которые крутились в голове с самого утра. Я почти позволил себе выдохнуть.

Но тут же в памяти всплыли слова Алисы про образец: упорядоченная структура, не похожая ни на одну известную технологию, реакция на тестовый импульс, будто что-то внутри неё узнало сигнал. Случайное столкновение с астероидом объясняло бы пробитие щита и физическое повреждение. Но оно никак не объясняло происхождение самого образца — того странного пятна на корпусе блока, которое не было ни ожогом, ни обычным повреждением металла.

Я вызвал ОРКА.

— У меня есть гипотеза, — сказал я. — Что если магнитный всплеск возник не сам по себе, а из-за столкновения с небольшим магнитным астероидом в этом секторе? Совокупная мощность могла оказаться достаточной, чтобы кратковременно пробить наше защитное поле.

— Логичное предположение, капитан, — отозвался ИИ. — Я могу проверить архивные данные сенсоров за период до повреждения на предмет присутствия объектов с соответствующей магнитной сигнатурой в радиусе сканирования.

— Сделай это, — согласился я.

Через несколько секунд ОРКА ответил, и в его голосе мне послышалась едва уловимая нотка, которую я уже научился различать как предвестник не самых приятных новостей.

— Я перепроверил данные, капитан. В радиусе сканирования на момент всплеска не зафиксировано ни одного объекта с массой или магнитной сигнатурой, соответствующей астероиду нужного размера. Ничего. Ваша гипотеза логична, но данные её не подтверждают.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как простое, удобное объяснение рассыпается на глазах, оставляя на его месте всё тот же неприятный вопрос без ответа: если не астероид — то что?

— Хорошо, — произнёс я, не желая сдаваться при первой неудаче. — Тогда сузим параметры поиска. ОРКА, перепроверь те же архивные данные, но в этот раз учти объекты значительно мельче — вплоть до миллиметра в диаметре. Возможно, мы искали слишком крупную цель.

— Расширяю диапазон сканирования, капитан, — сказал ОРКА. — Учитывая такие малые размеры, потребуется чуть больше времени для анализа архивов на предмет шумовых помех и ложных срабатываний.

Я ждал, барабанив пальцами по подлокотнику кресла, пока на экране одна за другой прогонялись строки повторного анализа.

— Капитан, я нашёл кое-что, — голос ОРКА прозвучал иначе, чем обычно — без привычной иронии, ровно и сосредоточенно.

— Что именно? — я подался вперёд.

— В радиусе сканирования, в момент, предшествующий всплеску, зафиксировано облако микрочастиц — диаметром от десятых долей миллиметра до нескольких миллиметров. Плотность облака в этой точке сектора заметно выше фоновых показателей.

— И как это связано с повреждением корпуса? — спросила Лира, которая, оказывается, уже стояла за моей спиной.

— Я просчитал несколько моделей взаимодействия, — отозвался ИИ. — Наиболее вероятная: проходя через облако, магнитный импульс вызвал кратковременную, но очень сильную поляризацию частиц. Они начали притягиваться друг к другу почти мгновенно — за доли секунды слипшись в единое тело достаточной массы и плотности, чтобы по инерции продолжить движение в сторону «Горизонта».

Я медленно поднялся с кресла, складывая картину в голове.

— То есть импульс на наших глазах собрал из пыли булыжник, — сказал я. — И этот булыжник со всей набранной скоростью врезался в корабль.

— Именно так, капитан, — подтвердил ОРКА. — Конгломерат оказался достаточно плотным, чтобы кратковременно пробить защитное поле и оставить те самые вмятины на корпусе. При ударе он рассыпался обратно на составляющие частицы — что объясняет, почему мы не обнаружили крупного объекта ни до, ни после столкновения. А сам импульс, в момент пробития щита, прошёл сквозь обшивку — и именно он, а не сами частицы, задел системы внутри крио-капсулу и энергоблок.

Лира нахмурилась, обдумывая услышанное.

— А образец, который нашла Алиса? — спросила она. — Если это просто магнитная слипшаяся пыль, то во-первых, как она прошла через корпус, не повреждая его, и второе — почему её спектрометр не смог определить состав?

— Справедливые вопросы, капитан, — отозвался ОРКА, и в его тоне впервые послышалось что-то похожее на лёгкую неуверенность. — Начну с первого. Сам конгломерат внутрь не проникал — он рассыпался при ударе о внешнюю обшивку, как я и сказал. Внутри прошёл лишь сам импульс, в виде кратковременного магнитного возмущения, без переноса вещества. Тот образец, что нашёл Мирон на переборке энергоблока — не осколок конгломерата, а, по всей видимости, локальное изменение самого материала корпуса в точке прохождения импульса. Проще говоря: импульс не принёс чужое вещество внутрь, а на краткий миг изменил свойства нашего собственного металла.

Лира медленно покачала головой, не до конца удовлетворённая ответом.

— Хорошо, это объясняет первый вопрос. А второй — почему спектрометр не смог определить состав, если это просто изменённый корпусной металл? Алиса бы сразу это узнала, такой сплав ей знаком вдоль и поперёк.

ОРКА выдержал паузу — на этот раз заметно дольше обычной.

— Вот здесь, капитан, я должен признать честно: у меня нет уверенного ответа, — признал он наконец. — Теоретически возможно, что кратковременное магнитное воздействие такой интенсивности перестроило кристаллическую решётку металла на молекулярном уровне, создав структуру, отсутствующую в базах данных просто потому, что её никто раньше не создавал искусственно или естественно. Это объяснимо в рамках известной физики. Но это, признаю, уже не столько вывод, сколько попытка подогнать теорию под факты, которые я предпочёл бы понимать лучше.

Я почувствовал, как недавнее облегчение снова начинает трескаться по швам.

— Иными словами, — бросил я медленно, — твоя теория с конгломератом объясняет повреждение корпуса и проникновение импульса. Но не объясняет, почему металл превратился в нечто, чего не существует ни в одной базе данных.

— Именно так, капитан, — подтвердил ОРКА. — Я бы предпочёл, чтобы вы услышали это от меня прямо, а не обнаружили несоответствие сами. Гипотеза с роём частиц остаётся наиболее вероятной из всех, что я могу построить на основе известной физики. Но «наиболее вероятная» и «полностью объясняющая все факты» — не одно и то же.

Лира скрестила руки на груди, глядя на застывшую схему облака частиц на экране.

— То есть мы вернулись туда же, откуда начали, — добавила она тихо. — Только теперь знаем, что природного объяснения, скорее всего, не существует — а чего тогда искать, по-прежнему непонятно.

— А как ты думаешь, ОРКА, — ответил я, глядя на застывшую схему облака частиц на экране, — этот импульс может являться сигналом или посланием? Или нас просто случайно атаковали каким-то неизвестным оружием?

ОРКА ответил не сразу — пауза вышла длиннее, чем обычно требовалось ему для расчётов, будто он действительно обдумывал вопрос, а не подбирал готовую формулировку.

— Я рассмотрел обе версии, капитан, — произнёс он наконец. — И склоняюсь к тому, что это послание, а не оружие. Вот почему. Если бы целью было нанести максимальный урон, конгломерат логичнее было бы направить в более уязвимую точку — например, в жилые отсеки или в главный реактор, и амплитуда сигнала была бы выше. Поэтому, сила удара была ровно такой, чтобы пробить щит и оставить след, но не настолько большой, чтобы причинить серьёзный ущерб. Это выглядит не как промах, а как точно рассчитанная, контролируемая величина.

— Контролируемая, — повторила Лира. — То есть, по-твоему, кто-то намеренно ударил ровно настолько, чтобы мы это заметили — но не настолько, чтобы это нас всерьёз ранило.

— Именно такой вывод следует из данных, — подтвердил ОРКА. — И есть ещё один момент в пользу версии с посланием. Само вещество, оставшееся в точке удара, структурно организовано — Алиса сама охарактеризовала его как нечто, похожее на запись, а не на случайный остаток после столкновения. Оружие, как правило, не оставляет после себя упорядоченную структуру, способную реагировать на электромагнитные поля так избирательно. Это куда больше похоже на носитель информации, чем на боеприпас.

Я медленно кивнул, чувствуя, как мысли укладываются в более ясную, хотя и тревожную картину.

— Значит, по-твоему, кто-то — или что-то — выбрало очень странный способ сказать «привет», — добавил я.

— Если это действительно послание, капитан, — произнёс ОРКА, — то я бы предположил, что выбор способа был не странным, а единственно возможным для отправителя. Существо или система, способная воздействовать на материю через магнитные поля подобным образом, вероятно, просто не имеет других доступных нам средств связи — ни радиоволн, ни визуальных сигналов, ни чего-либо, что мы привыкли считать обычным языком.

Лира медленно опустила на край консоли, обдумывая услышанное.

— Тогда вопрос не в том, атаковали нас или нет, — ответила она. — Вопрос в том, что именно нам пытаются сказать — и поймём ли мы это вовремя, прежде чем отправитель решит, что мы просто не слушаем.

Уже далеко за полночь я заглянул в лабораторный отсек проверить, не забыла ли Лира выключить свет, и застал там неожиданную картину: Кай сидел напротив неё за столом, разложив детали разобранного датчика, а рядом — две кружки остывшего чая и надкушенный сэндвич, который явно принёс он, а не она.

— У тебя обед в полночь? — спросил я, стараясь звучать буднично.

— У меня датчик, который сам себя не почистит, — Кай не поднял глаз от платы в руках. — А голодная Лира плохо думает про послания на переборках.

Лира фыркнула, не отрываясь от терминала, но половины сэндвича на её тарелке к тому моменту уже не было.

— Иди спать, капитан, — сказала она. — Мы тут ещё немного.

Я ушёл, сделав вид, что не заметил, как по-свойски они сидели рядом — плечом к плечу, привычно, будто делали это далеко не в первый раз.

Глава 3

Сутки тянулись медленнее обычного — может быть, из-за ожидания ответа от командования, а может, потому что я слишком много времени провёл, прокручивая в голове слова ОРКА про послание. Сон в эту ночь выдался рваным, без чётких образов, как и накануне после новости о «Меридиане».

Проснулся я снова рано — привычка слишком прочно вросла в распорядок, чтобы её нарушить даже при таких обстоятельствах. Утренний ритуал прошёл почти механически: душ, бритвё, форма — тело двигалось по выученной программе, пока голова продолжала работать над вчерашним разговором.

Когда я поднялся на мостик, Лира уже была там — судя по тёмным кругам под глазами, провела бóльшую часть ночи за архивами, а не в каюте.

— Ты спала вообще? — спросил я, опускаясь в кресло.

— Немного, — она не отвела взгляда от экрана. — Капитан, я нашла кое-что по «Меридиану». И это нужно увидеть.

— Показывай, — я подался вперёд.

Она развернула ко мне терминал. На экране — личное дело одного из членов экипажа «Меридиана», помеченное тем же грифом ограниченного доступа, что и основной отчёт.

— Вот что странно, капитан, — сказала Лира, пролистывая дальше. — На «Меридиане» импульс попал в систему жизнеобеспечения. Причём заметили это далеко не сразу — судя по записям, прошло несколько дней, прежде чем экипаж обратил внимание на отклонения в показателях. К счастью, до печальных последствий не дошло — меры успели принять вовремя. И при этом, в отличие от нас, у них не было зафиксировано никаких внешних повреждений корпуса. Ни вмятин, ни следов удара — ничего.

Я нахмурился, складывая в голове два случая рядом.

— То есть у них импульс прошёл прямо внутрь, без всякого пробития обшивки, — бросил я медленно. — А у нас он сначала собрал конгломерат из частиц, ударил по корпусу, и только потом проник дальше.

— Получается, что да, — сказала Лира. — И если так, то нам, можно сказать, повезло больше. Внешнее повреждение — это то, что можно увидеть, измерить, найти траекторию источника. Именно из-за вмятин и пробитого щита мы вообще узнали, откуда пришёл импульс, и смогли найти тот странный материал на корпусе блока. У «Меридиана» ничего подобного не было — импульс прошёл насквозь, не оставив следа снаружи, и они, судя по всему, даже не пытались искать его источник, пока не стало слишком поздно разбираться.

— Значит, мы на шаг впереди того, что происходило с ними, — ответил я. — Они упустили момент. А мы, кажется, успели поймать его за хвост.

Лира посмотрела на меня, и в её взгляде читалась всё та же смесь облегчения и тревоги, что не отпускала нас обоих последние двое суток.

— Будем надеяться, что этого шага достаточно, — ответила она. — Потому что если структура и правда пытается что-то сказать, а мы — единственные за двадцать лет, кто вообще заметил попытку, то цена ошибки может оказаться куда выше, чем у «Меридиана».

Дверь мостика разошлась, пропуская Мирона — вид у него был усталый, под глазами залегли тени, будто он не выходил из мастерской всю ночь.

— Капитан, — сказал он, не дожидаясь вопроса, — разобрал стабилизатор полностью, до последнего винтика. Внутри — ничего. Никаких посторонних включений, повреждённых контуров, нестандартных материалов. Самый обычный, исправный блок, который просто выработал свой ресурс чуть раньше срока. Ничего, что объяснило бы погрешность в показаниях.

— То есть с самим стабилизатором всё чисто, — сказал я.

— Чисто, как в операционной, — кивнул Мирон, устало опускаясь на свободное кресло у консоли. — Но я не стал на этом останавливаться. Саму панель — крышку корпуса стабилизаторов, на которой мы нашли то пятно, я отнёс её Алисе в лабораторию ещё вчера вечером. Решил, раз спектрометр у неё уже зацепился за образец-соскоб, пусть посмотрит и на саму поверхность целиком — может, найдёт что-то, что соскоб с краю не показал.

Ли́ра оживилась.

— Хорошая мысль, — сказала она. — Соскоб — это малая часть структуры. А целая панель может показать форму всего узора, а не фрагмент.

— Я примерно так и подумал, — Мирон пожал плечами с видом человека, который не привык хвалить себя за очевидные решения. — Не вижу смысла мудрить со стабилизатором, если ответ, возможно, ждёт в соседней лаборатории.

Я посмотрел на дверь, ведущую вглубь корабля, в сторону научного отсека, и почувствовал смутное нетерпение — то самое, что не отпускало меня всё это утро.

— Вызови Алису, — произнёс я Лире. — Хочу знать, нашла ли она что-то на целой панели, или нам снова придётся гадать.

Ли́ра вызвала научный отсек по внутренней связи. Алиса ответила почти сразу — судя по голосу, она была не просто на месте, а явно ждала этого звонка.

— Капитан, хорошо, что вы вызвали, — произнесла она, прежде чем кто-либо успел задать вопрос. — У меня есть, что показать. Можно мне на мостик с панелью? Так будет проще объяснить.

— Хорошо, — бросил я. — Жду здесь.

Через несколько минут двери мостика разошлись, и Алиса вошла, осторожно держа перед собой ту самую снятую панель отсека стабилизаторов, упакованную в прозрачный защитный контейнер. Лицо у неё было сосредоточенным — без привычной восторженной улыбки, и это само по себе встревожило меня сильнее, чем любые слова.

— Что у тебя? — спросил я, поднимаясь навстречу.

Она поставила контейнер на свободную консоль и развернула рядом голопроекцию — увеличенное изображение всей поверхности панели целиком, не только маленького фрагмента-соскоба.

— Когда я смотрела только на соскоб, я видела фрагмент узора, — начала она. — Но когда отсканировала целую панель — увидела полную картину. И это не случайный узор, капитан. Это повторяющаяся структура. Симметричная, с чёткой геометрией.

Она вывела на экран увеличенное изображение пятна целиком — и я невольно подался вперёд. То, что выглядело как простое тёмное обесцвечивание, при ближайшем рассмотрении оказалось сложным узором из тонких линий, складывающихся в концентрические окружности, пересечённые рядом более мелких симметричных элементов — почти как снежинка, только куда более сложная и геометрически правильная.

— Это похоже на письмо, — сказала Ли́ра тихо, подходя ближе. — Или на схему.

— Я думаю то же самое, — сказала Алиса. — Самостоятельно случайные физические процессы — магнитное слипание, перестроение кристаллической решётки, что угодно из теории ОРКА — обычно дают хаотичные или, в лучшем случае, фрактальные узоры. А это слишком регулярно, слишком осознанно повторяется. Капитан, я сравнила фрагменты узора между собой — он не просто симметричен, он содержит повторяющиеся блоки, как алфавит или система записи.

Мирон, до этого молча слушавший с края мостика, нахмурился.

— Хотите сказать, девочка, что у нас тут не просто след от удара, а буквы? — спросил он с явным недоверием в голосе.

— Я не готова называть это буквами, — Алиса покачала головой, — но готова сказать, что это не случайность. Кто-то — или что-то — потратило усилия, чтобы организовать материю

именно так, а не иначе. Капитан, если это действительно язык, нам нужно гораздо больше данных, чтобы хотя бы начать его читать. Один фрагмент ничего не докажет.

Я медленно обошёл консоль, разглядывая узор с разных углов, и почувствовал, как масштаб ситуации меняется в третий раз за эти двое суток — от случайного повреждения к редкому явлению природы, а теперь, кажется, к чему-то, что заслуживало куда более серьёзного названия.

— Значит, нам нужен ещё один фрагмент, — сказал я. — Желательно — целый.

Лира посмотрела на меня, явно уже понимая, к чему я веду.

— Капитан, вы же не предлагаете специально искать столкновение с этой штукой ещё раз?

— Нет, — я покачал головой. — Но если оно ищет точки с магнитным полем, чтобы оставить след — может, нам не нужно ждать случайности. Может, нужно создать для него подходящую точку самим, и посмотреть, придёт ли оно снова.

— ОРКА, найди мне Кая, — произнёс я. — И пусть Мирон тоже останется на мостике, его опыт здесь понадобится.

Кай явился быстро — судя по перепачканным маслом рукам, его прямо выдернули из какого-то ремонта.

— Звали, капитан? — он на ходу вытирал руки ветошью, переводя взгляд с меня на голопроекцию узора, всё ещё висящую над консолью.

— Звал, — согласился я. — У меня для тебя задача, и она нестандартная. Мы хотим спровоцировать повторный контакт с тем, что оставило этот узор — но без повреждений, которые получили в первый раз.

Кай моргнул, не до конца понимая.

— Спровоцировать... контакт? — переспросил он.

— И ещё момент, — добавил я. — Как только устройство будет готово, корабль нужно остановить. Мы продолжаем двигаться маршевым курсом, а источник сигнала, судя по всему, привязан к конкретному участку пространства. Если будем лететь дальше, мы просто покинем тот квадрат, где это произошло — и ловушка будет ждать неизвестно чего в пустом месте.

Лира понимающе улыбнулась.

— То есть если хотим повторного контакта — нужно остаться там, где был первый, — ответила она. — Иначе мы можем построить лучшую в мире приманку и просидеть с ней до конца миссии без единого результата.

— Именно, — подтвердил я. — Поэтому, как только устройство будет готово к установке, я отдам приказ на полную остановку. Останемся на месте столько, сколько потребуется.

— Учтём при планировании, — сказала Алиса, делая пометку у себя в блокноте. — Хорошо, что вы сразу подумали об этом — а то могли бы спохватиться, когда было бы уже поздно.

— Своего рода приманка, — кивнул я, возвращаясь к основной мысли. — И ловушка одновременно. Если получится — поймаем целый, неповреждённый фрагмент структуры, а не обломок после столкновения.

Кай медленно опустил ветошь, и я увидел, как у него на лице тревога постепенно сменяется тем самым азартом, который я уже видел в нём раньше — в первое утро их с Алисой совместного энтузиазма по поводу странностей на борту.

— То есть вы хотите, чтобы я построил магнитную ловушку, — ответил он, явно уже прокручивая варианты в голове. — Изолированный контур, с собственным источником питания, отдельным от основных систем, чтобы при ударе он просто... пожертвовал собой, а не потащил за собой что-то важное.

— Именно, — добавил я. — И тебе понадобится помощь Мирона — у него опыт и руки, у тебя — идеи и реакция. Я хочу, чтобы устройство было готово как можно скорее, но не в ущерб надёжности. Рисковать кораблём ради эксперимента я не намерен.

Мирон, до этого молча слушавший, хмыкнул и поднялся с кресла.

— Ну, малец, — он положил руку Каю на плечо, — кажется, тебе наконец доверили что-то интереснее замены антенн. Пошли в мастерскую, набросаем схему. У меня где-то завалялся старый индукционный контур, который как раз для такого изолированного эксперимента подойдёт — если, конечно, мыши его ещё не сгрызли на запчасти.

— Мыши? — Кай слегка опешил.

— Шутка, — Мирон уже шагнул к выходу. — Хотя на этом корабле я бы и не зарекался.

Они вышли с мостика, переговариваясь на ходу — Кай уже что-то быстро набрасывал на портативном планшете, а Мирон время от времени кивал или качал головой, корректируя его идеи практическим опытом. Я смотрел им вслед, чувствуя странную смесь тревоги и облегчения: впервые за двое суток у нас появился не просто вопрос без ответа, а конкретный план действий.

— Капитан, — сказала Алиса, всё ещё стоя у голопроекции узора, — если они построят это устройство, и оно сработает... я хочу присутствовать при первом контакте. Лично.

Я посмотрел на неё — на это неугасимое, почти упрямое любопытство, которое до сих пор не покинуло её ни на минуту с самого начала этой истории.

— Если оно работает, — сказал я, — ты будешь там первой. Это твоя область, не моя.

Ответ от командования пришёл на следующее утро, пока я ещё допивал свой неизменный кофе без сахара. ОРКА сообщил о входящем сообщении почти сразу, как я поднялся на мостик.

— Капитан, получен ответ на ваш запрос, — сказал ИИ. — Зачитать?

— Зачитывай, — я отставил кружку, чувствуя, как внутри что-то напряглось в ожидании.

— «Капитану Колдеру. По вашему запросу относительно инцидента с исследовательским кораблём “Меридиан”: дело было закрыто решением комиссии как аномалия неустановленного происхождения, без дальнейшего расследования. Дополнительных данных, помимо тех, что уже находятся в открытом архиве, не существует. Случай не вызвал интереса со стороны профильных служб ввиду отсутствия пострадавших и весомых материальных потерь. Рекомендуем продолжать миссию по стандартному протоколу и сообщать о любых дальнейших отклонениях», — зачитал ОРКА, и в его голосе мне послышалось что-то похожее на разочарование, странное для искусственного интеллекта.

Я несколько секунд молчал, переваривая услышанное.

— Они просто закрыли дело, — добавил я наконец. — Двадцать лет назад случилось то же самое, что происходит с нами сейчас, и никто даже не попытался разобраться, почему.

Лира, услышавшая разговор от своей консоли, развернулась в кресле.

— Отсутствие пострадавших и материальных потерь, — повторила она с явным сарказмом в голосе. — То есть пока никто не погиб и оборудование не сгорело, можно просто закрыть глаза и забыть.

— Бюрократическая логика, — Мирон, заглянувший на мостик чуть позже с очередным чертежом устройства Кая, невесело усмехнулся. — Если не болит — не лечи. Жалко только, что в этот раз, кажется, болит у нас.

Я посмотрел на главный экран, где всё ещё была видна голопроекция узора — той самой структуры, которую командование, очевидно, даже не считало достойной внимания.

— Значит, мы одни, — произнёс я. — Никакого протокола, никакого готового ответа сверху. Придётся разбираться самим, как и собирались.

— Тогда тем более важно, чтобы устройство Кая сработало, — сказала Алиса, появившаяся в дверях мостика с очередной распечаткой анализа. — Если командование не интересу-

ется, значит, единственные люди во всей вселенной, которые могут хоть что-то узнать об этом явлении — это мы. Прямо здесь, прямо сейчас.

Я невольно усмехнулся при этой мысли — горькая ирония в том, что ответственность за нечто, возможно, разумное и абсолютно новое для человечества, свалилась именно на потрёпанный исследовательский корабль, а не на какую-нибудь серьёзную научную экспедицию с полным штатом специалистов.

— Тогда не будем терять время, — ответил я. — Как продвигается устройство?

— Почти готово, — Мирон поднял свой чертёж. — Кай доделывает изоляцию контура. Капитан, если хотите моё мнение — парень оказался способнее, чем я думал. Может, даже способнее меня в паре мест.

— Высокая оценка от тебя, — заметила Лира с лёгкой улыбкой.

— Я редко её раздаю, — Мирон пожал плечами. — Именно поэтому она что-то значит.

Я взял у Мирона чертёж и несколько минут разглядывал его внимательно, прежде чем заговорить.

— Хорошая работа, — сказал я наконец. — Но один момент меня беспокоит. Устройство нужно поместить в отдельный защитный корпус и закрепить снаружи, на обшивке корабля — а не внутри, рядом с основными системами. Если структура снова решит ударить с той же силой, что и в прошлый раз, я не хочу, чтобы импульс прошёл дальше самого устройства и что-нибудь повредил внутри, как это случилось с антенной и энергоблоком.

Мирон кивнул, забирая чертёж обратно и делая на нём пометку.

— Логично, капитан. Изолируем по-настоящему, а не только теоретически. Сделаем герметичный кожух, закрепим на внешней обшивке через минимальное количество точек крепления — чтобы даже при сильном ударе максимум, что мы потеряем, это сам кожух с устройством, а не кусок корабля.

— И ещё момент, — добавил я. — Само устройство — это приманка и ловушка. Но какой смысл нам в пойманном фрагменте структуры, если мы не сможем извлечь и изучить то, что оно соберёт? Продумайте, как извлекать накопленную информацию или сам материал без риска для того, кто будет это делать. Желательно — дистанционно, без необходимости лезть наружу каждый раз.

Кай, до этого молча слушавший у консоли, оживился.

— Можно сделать съёмный модуль внутри кожуха, капитан, — произнёс он. — Что-то вроде кассеты: устройство фиксирует контакт, при необходимости герметично закрывается изолирующей крышкой изнутри, и весь блок можно будет извлечь через шлюз без прямого контакта с самим материалом. А данные с датчиков — магнитная активность, температура, что угодно — будем передавать на мостик в реальном времени, без необходимости ждать физического извлечения.

— Это решает сразу обе проблемы, — кивнула Алиса с явным одобрением. — Мы получим и данные в момент контакта, и сам физический образец потом, для более глубокого анализа в лаборатории.

Мирон уже что-то быстро чертил на полях, добавляя в схему съёмный отсек.

— Добавим разъём для быстрого извлечения через внешний шлюз, — бросил он. — Займёт чуть больше времени на сборку, но оно того стоит — не хочу второй раз объяснять капитану, почему мы что-то сожгли изнутри, пытаясь поймать призрака голыми руками.

— Раз уж дорабатываем устройство, — вставила Алиса, — добавьте туда миниатюрный электронный микроскоп или хотя бы что-то подобное по функционалу. Если структура снова оставит след прямо в момент контакта, я хочу видеть изображение сразу, в реальном времени, а не ждать, пока кожух извлекут и принесут мне в лабораторию. Так мы сможем анализировать узор почти мгновенно — и если он начнёт меняться или развиваться во время самого контакта, мы это не упустим.

Кай задумчиво почесал затылок, глядя на чертёж.

— Технически можно встроить компактный сканер высокого разрешения рядом с зоной контакта, — произнёс он. — Передача изображения пойдёт по тому же каналу, что и остальные данные с датчиков. Понадобится только чуть больше места внутри кожуха и дополнительный источник питания для самого сканера — он прожорливее простых магнитных датчиков.

— Места внутри хватит, если сместим съёмный модуль чуть в сторону, — заметил Мирон, уже корректируя схему. — А по питанию — заведём отдельную линию от того же изолированного контура, чтобы не зависеть от основной сети корабля. Меньше связей с «Горизонтом» — меньше риска, что какая-нибудь неполадка устройства срикошетит на нас.

— Отлично, — кивнула Алиса, и в её голосе прозвучало нетерпение человека, который уже представляет, что увидит на экране. — Тогда я смогу следить за изображением прямо с мостика или из лаборатории, без необходимости спускаться к шлюзу каждый раз.

— Добавлю это в список, — Мирон сделал очередную пометку на чертеже, который к этому моменту уже напоминал нечто среднее между техническим планом и черновиком с многочисленными правками. — Тогда время на доработку чуть увеличится — часов девять-десять, с учётом сканера и отдельной линии питания.

— Время терпит, — бросил я, глядя на их троих, увлечённо обсуждающих детали устройства, которое могло стать первым настоящим окном в понимание происходящего. — Главное, чтобы оно сработало правильно с первого раза. Второго шанса конгломерат нам может и не дать.

Остаток дня прошёл за рутинной работой без новостей. Кай и Мирон почти не покидали мастерскую — лишь изредка кто-то из них поднимался на мостик за чашкой кофе или коротким докладом о ходе сборки, после чего снова исчезал в недрах корабля. Алиса разделяла время между лабораторией и периодическими визитами к ним — то с уточнением по сканеру, то с очередной идеей, которую немедленно хотела обсудить.

Лира продолжала копаться в архивах, расширяя поиск за пределы одного только дела «Меридиана» — на случай, если где-то в истории других экспедиций всплывут похожие отметки, оставшиеся незамеченными или списанные на случайность. К вечеру она доложила лишь то, что ничего конкретного пока не нашла, хотя список потенциально похожих, но неподтверждённых случаев у неё понемногу рос.

Я сам провёл большую часть дня за обычными капитанскими делами, которые никуда не исчезали, несмотря на происходящее — проверка курса, рутинные отчёты о состоянии экипажа, согласование расписания дежурств. Странное ощущение: где-то рядом, возможно, разворачивалась история, способная изменить представление человечества о вселенной, а корабль продолжал жить своим обычным, почти скучным ритмом — будто два параллельных мира, которые пока не пересекались напрямую.

К ужину Кай и Мирон наконец появились в столовой одновременно — оба заметно устали, но на лицах читалось то самое удовлетворение людей, которые провели день за делом, которое им действительно нравилось.

— Ну как, готово? — спросил я, отрываясь от собственной тарелки с ужином.

— Почти, — Мирон со стоном опустился на стул рядом. — Корпус готов, разъём для извлечения на месте, сканер встроен и протестирован на земных образцах — показывает чётко. Осталось закрепить устройство снаружи и проверить герметичность на реальных условиях вакуума. Если всё пройдет штатно, к утру можем быть готовы к установке.

— К утру, — повторил я, чувствуя, как внутри что-то одновременно напряглось и немного расслабилось от этой новости. — Тогда отдыхайте сейчас. Завтра понадобятся свежие головы — и руки, которые не дрожат от усталости, когда придётся работать снаружи борта.

— Лира, — сказал я, поворачиваясь к ней, — рассчитай точные координаты квадрата, где произошёл первый контакт. Завтра утром мы должны быть именно там — это небольшое

отклонение от текущего курса, но я хочу, чтобы мы оказались точно в нужной точке, а не где-то рядом.

Лира уже разворачивалась к своей консоли, вызывая навигационные данные.

— Дай мне немного времени, — добавила она, быстро пробегая пальцами по сенсорной панели. — Судя по архивным записям, я могу восстановить точные координаты по показаниям сенсоров на момент первого всплеска. Это не должно занять много времени.

Несколько минут прошли в тишине — только тихий шелест переключаемых данных на её экране. Наконец она подняла взгляд.

— Готово, — ответила она. — Координаты квадрата восстановлены. Отклонение от текущего курса небольшое — около четырёх часов хода на сниженной скорости, учитывая, что мы и так не разгоняемся на полную из-за щитов.

— ОРКА, — добавил я, — проложи курс в указанный квадрат. Я хочу, чтобы мы оказались там завтра утром, по корабельному времени.

— Прокладываю курс, капитан, — отозвался ОРКА. — С учётом текущей скорости и небольшого отклонения, расчётное время прибытия в указанную точку — около восьми часов утра. Дополнительная корректировка маршрута добавит к общей задержке миссии порядка половины суток.

— Принимаю, — кивнул я, чувствуя, как список накопленных задержек на этот рейс растёт с каждым днём, но другого выхода я не видел. — Сообщи Каю и Мирону: к утру устройство должно быть полностью готово. Как только мы окажемся в нужной точке, останавливаем корабль и сразу приступаем к установке.

— Передаю информацию в мастерскую, — отозвался ОРКА.

Алиса, до этого молча слушавшая, не сдержала улыбки.

— Завтра, — сказала она тихо, словно пробуя слово на вкус. — Завтра мы либо получим первый настоящий ответ, либо окончательно убедимся, что зря гадаем на пустом месте.

— Будем надеяться на первое, — произнёс я, поднимаясь с кресла. — Но готовиться нужно к обоим вариантам.

Глава 4

Наступил новый день, который, я чувствовал, предвещал много перемен — хотя в чём именно они будут заключаться, оставалось только гадать.

Проснулся я раньше привычных 06:00 — то ли организм сам почувствовал важность дня, то ли тревога просто не дала спать дольше необходимого. Утренний ритуал прошёл быстрее обычного: душ, бритьё, форма — всё на автомате, пока мысли уже были далеко впереди, в том самом квадрате пространства, к которому мы держали курс всю ночь.

Когда я поднялся на мостик, Лира уже была там, как и в прошлый раз — собранная, сосредоточенная, словно тоже не спала толком.

— Доброе утро, капитан, — сказала она, не отрываясь от экрана. — Мы почти на месте. ОРКА подтверждает: до целевого квадрата осталось около двадцати минут.

— Двадцать минут, — повторил я, опускаясь в кресло и принимая у ОРКА сводку состояния систем по привычке, заведённой за последние дни. — Кай и Мирон?

— Уже в мастерской, — отозвался ОРКА. — Устройство полностью собрано и протестировано в последний раз сегодня ночью. Они ожидают команды на доставку к шлюзу.

— Хорошо, — кивнул я, чувствуя, как внутреннее напряжение постепенно сменяется собранностью — тем самым состоянием, которое помогало мне принимать решения даже тогда, когда хотелось просто сидеть и тревожиться. — Вызови их сюда, когда мы окажемся в точке. Хочу, чтобы все, кто причастен к этому, были в курсе каждого шага.

Минуты тянулись медленно — на главном экране постепенно замедлялась отметка пройденного расстояния, приближаясь к нулю. Алиса появилась на мостике одной из первых, неся с собой планшет с заранее подготовленными протоколами наблюдения — судя по аккуратно расписанным пунктам, она явно готовилась к этому утру не один час.

— Капитан, — ответила она, останавливаясь рядом, — что бы сегодня ни произошло — спасибо, что разрешили мне быть здесь при первом контакте.

Я посмотрел на неё — на это смешение волнения и решимости на её лице — и невольно подумал, что именно такой настрой, возможно, был нужен команде сегодня больше всего.

— Если оно появится, — ответил я, — то именно твои глаза должны это увидеть первыми. Ты заслужила это с того самого утра, когда ещё все остальные видели только проблему, а ты — загадку.

— Прибытие в целевой квадрат, — объявил ОРКА. — Координаты подтверждены. Иницирую полную остановку маршевых двигателей.

Корабль начал замедляться — в этот раз я почти физически чувствовал, как гул двигателей стихает, оставляя за собой непривычную, выжидающую тишину.

— ОРКА, — сказал я, не дожидаясь полной остановки, — включи щиты на полную мощность. Раз мы возвращаемся в ту самую точку, где это произошло впервые, я не хочу рисковать повторным повреждением, пока экипаж будет работать снаружи.

— Принято, капитан, — добавил ИИ. — Поднимаю мощность защитного поля до максимума. Учитывайте: при таком уровне расход энергии значительно выше обычного, что дополнительно ограничит маршевую скорость после возобновления движения. Но в текущем положении, при полной остановке, это не критично.

— Понимаю, — сказал я. — Безопасность важнее скорости, особенно сейчас.

Я повернулся к внутренней связи.

— Кай, Мирон — корабль на подходе к точке остановки. Будьте готовы к выходу, как только получите команду. Перед выходом ещё раз проверьте снаряжение и устройство — второго шанса может не быть, если что-то пойдёт не так с первой попытки.

— Уже готовы, капитан, — отозвался голос Мирона из динамика, с лёгким напряжением, которое редко слышалось в его обычно невозмутимом тоне. — Кай как раз заканчивает проверять крепления кожуха. Как только остановимся — выходим.

— Полная остановка достигнута, — доложил ОРКА несколько минут спустя. — «Горизонт» неподвижен. Щиты на максимальной мощности. Можно безопасно выходить для установки.

Я бросил взгляд на главный экран, где спокойная, ничем не примечательная чернота космоса выглядела точно так же, как и в любой другой момент полёта — и всё же я знал, что где-то там, рядом, может находиться нечто, способное изменить весь смысл этой миссии.

— Действуйте, — добавил я. — И будьте предельно осторожны.

Все собрались на мостике, не отрывая взгляда от главного экрана, где внешние камеры транслировали картину происходящего за бортом. Кай и Мирон, оба в скафандрах, медленно двигались вдоль обшивки, удерживаясь магнитными захватами, пока между ними плыл компактный герметичный кожух — само устройство, МПУ (Магнитная Приёмная Установка), как успели окрестить его за время сборки.

— Подходим к точке крепления, — донёсся голос Мирона по внутренней связи, чуть искажённый помехами вакуума. — Кай, держи с той стороны.

— Держу, — отозвался Кай, аккуратно фиксируя установку магнитными зажимами к нужному участку обшивки — той самой точке, где, по расчётам Лиры и ОРКА, проходила условная вертикаль через прежние повреждения.

Алиса стояла ближе всех к экрану, вцепившись в край консоли с таким напряжением, будто от этого зависела устойчивость самого устройства.

Секунда молчания в динамике связи растянулась дольше, чем должна была, — и я заметил, как Лира резко подалась вперёд, будто могла разглядеть его через толщу обшивки.

— Крепление первое закреплено, — доложил Кай через минуту. — Переходим ко второму.

— ОРКА, как показатели МПУ? — спросил я, не отрывая взгляда от экрана.

— Устройство в норме, капитан, — произнёс ОРКА. — Магнитный контур пока неактивен, готов к запуску по команде после завершения монтажа. Сканер и канал передачи данных проверены, функционируют штатно.

Лира, стоявшая рядом со мной, негромко произнесла, обращаясь скорее к самой себе:

— Лишь бы оно сработало именно так, как задумано.

Я покосился на неё — взгляд был устремлён не столько на показатели МПУ, сколько на маленькую фигуру в скафандре у самой обшивки, которая как раз крепила последний зажим.

Я промолчал, наблюдая, как Кай закрепляет последний зажим, и Мирон, отступив на безопасное расстояние, осматривает результат общей работы.

— Все крепления на месте, — доложил Мирон. — МПУ установлена. Возвращаемся на борт, прежде чем включать магнитный контур — не хочу торчать снаружи, когда эта штука начнёт работать.

— Разумно, — согласился я. — Возвращайтесь. Активируем устройство, как только вы окажетесь внутри.

Кай и Мирон медленно двинулись обратно к шлюзу, и весь мостик, казалось, затаил дыхание в ожидании момента, когда МПУ наконец включится и начнёт ждать своего гостя.

Спустя несколько минут шлюз с тихим шипением выровнял давление, и Кай с Мироном наконец оказались внутри, стягивая шлемы. Лица у обоих были напряжёнными, но довольными — работа была сделана чисто, без единой задержки.

— Все на месте, капитан, — доложил Мирон, поднимаясь на мостик вслед за Каем. — МПУ закреплена, готова к активации.

Я кивнул, чувствуя, как напряжение на мостике сгущается почти физически.

— ОРКА, активирую магнитный контур устройства.

— Активирую, капитан, — добавил ИИ. — Контур запущен. МПУ генерирует контролируемое магнитное поле в заданном диапазоне. Все показатели в норме.

На главном экране появилось новое окно — данные с самого устройства: ровная линия магнитной активности, спокойная и предсказуемая, без малейшего намёка на что-то необычное.

— И теперь? — спросил Кай, опускаясь в свободное кресло у консоли, ещё не до конца отдышавшись.

— Теперь ждём, — сказала Алиса, не отрывая взгляда от показаний. — Если структура действительно реагирует на магнитные поля, и если она ещё находится где-то рядом с этим квадратом, она должна заметить сигнал. Вопрос только в том, сколько времени это займёт.

Минуты потянулись медленно. Мостик постепенно затих — даже привычные негромкие звуки систем «Горизонта» казались сегодня громче обычного на фоне общего молчания. Лира то и дело поглядывала на хронометр, Мирон сидел, скрестив руки, с видом человека, готового ждать сколько потребуется. Кай нервно постукивал пальцами по подлокотнику, пока Алиса не бросила на него короткий укоризненный взгляд, и он, спохватившись, замер.

Час прошёл без единого изменения в показаниях. Затем второй, третий.

К началу четвёртого часа на мостике установилась почти осязаемая усталость от ожидания — Кай давно перестал постукивать пальцами и теперь просто сидел, привалившись к спинке кресла, Мирон пару раз выходил и возвращался, проверяя другие системы заодно, чтобы не сидеть без дела. Даже Алиса, всё это время не отрывавшая взгляда от показаний, начала клевать носом, хотя упорно отказывалась признать усталость вслух.

— Капитан, — сказала Лира тихо, бросив взгляд на хронометр, отмечавший почти четыре часа с момента активации, — может, оно не появится. Может, мы просто разминутись с ним по времени, и квадрат пространства давно опустел.

Я уже было собирался ответить, когда голос ОРКА прервал тишину — на этот раз без малейшего намёка на привычную иронию.

— Капитан, — сказал ИИ, — фиксирую изменение магнитной активности в районе МПУ. Что-то приближается.

Все на мостике одновременно подались вперёд, усталость мгновенно сменилась напряжённым вниманием — глаза устремились на экран, где спокойная прежде линия начала медленно, но уверенно подниматься вверх.

— Дистанция? — спросил я, поднимаясь с кресла.

— Сокращается, — отозвался ОРКА. — Объект приближается со стороны, противоположной от точки прежнего столкновения. Скорость умеренная, не похожая на ту, с которой двигался конгломерат в прошлый раз.

Алиса вмиг растеряла всю сонливость, подавшись вперёд так резко, что чуть не опрокинула стул.

— Выведи изображение со сканера МПУ на главный экран, — попросила она. — Хочу видеть, что происходит, в реальном времени, а не только цифры.

ОРКА молча развернул на основном дисплее новое окно — зернистая картина внешней обшивки, снятая компактной камерой устройства. Пока в кадре была только пустота — чёрный космос и едва заметный край корпуса самой ловушки.

— Магнитная активность продолжает расти, — сообщил ОРКА. — Объект приблизился на дистанцию визуального обнаружения. Должен появиться в кадре в течение нескольких секунд.

Мостик замер. Кай поднялся со своего места, не отрывая взгляда от экрана, Мирон встал рядом с ним, скрестив руки. Лира застыла за консолью, пальцы зависли над клавиатурой, готовые в любой момент зафиксировать происходящее.

И тогда в кадре появилось оно.

Не булыжник, не обломок породы — облако, состоящее из бесчисленного множества крошечных, едва различимых частиц, медленно перетекающее само в себе, словно живое. Оно двигалось не по прямой инерционной траектории, а плавными, почти текучими волнами, будто намеренно подбираясь к устройству, а не просто падая на него по случайной кривой.

— Это оно, — прошептала Алиса, прижав руку ко рту. — Капитан, это оно.

Облако приблизилось к МПУ почти вплотную, на мгновение замедлилось — и начало медленно обтекать корпус устройства, словно ощупывая его невидимыми пальцами.

— Магнитный контур реагирует, — доложил ОРКА, и в его голосе впервые за все эти дни прозвучало что-то похожее на удивление. — Зафиксирован обратный отклик от объекта. Двусторонний контакт установлен.

— Сканер! — воскликнула Алиса, не отрывая взгляда от экрана. — Изображение со сканера, скорее!

Кай уже переключал каналы на соседнем мониторе, и спустя секунду на нём появилось новое окно — крупный план самой поверхности устройства, где облако частиц медленно оседало, выстраиваясь в тот самый узор: концентрические линии и симметричные элементы, теперь складывающиеся прямо перед камерой, в реальном времени, а не как застывший след на металле.

— Оно формируется заново, — прошептала Алиса. — Прямо сейчас. Капитан, оно создаёт структуру специально для нас — не как побочный эффект столкновения, а намеренно.

Мостик застыл в полной тишине — даже Мирон, обычно невозмутимый, подался вперёд, не отрывая взгляда от растущего узора на экране.

Узор продолжал нарастать на экране, слой за слоем, пока облако частиц медленно оседало на поверхности устройства. Алиса вывела изображение на максимальное увеличение, и линии, прежде казавшиеся хаотичным сплетением, начали складываться в нечто более узнаваемое.

— Капитан, — сказала она наконец, голос её дрожал от смеси волнения и сосредоточенности, — это не просто символы. Смотрите на структуру — повторяющиеся блоки расположены не случайно, они образуют числовые последовательности. И судя по группировке... — она замолчала, быстро сверяясь с чем-то на своём планшете, — это похоже на систему координат.

— Координаты, — повторила Лира, подходя ближе. — Координаты чего? Места в космосе?

— Не уверена, — призналась Алиса. — Формат непривычный, не совпадает напрямую с нашей стандартной системой навигации. Но структура именно такая, какую обычно используют для указания точки в пространстве — три набора значений, повторяющиеся с вариациями, как если бы кто-то пытался описать местоположение, используя единственный доступный ему способ записи.

Я медленно подошёл к экрану, разглядывая узор, который теперь занимал собой всю поверхность устройства.

— То есть оно не просто отвечает на наш сигнал, — ответил я. — Оно ведёт нас куда-то.

— Возможно, — сказала Алиса, не отрывая взгляда от данных. — Но расшифровать это будет непросто. Мы понимаем, что это структура, похожая на координаты, но не знаем, в какой системе отсчёта она работает — относительно нашей текущей позиции, относительно какой-то фиксированной точки в галактике, или вообще относительно чего-то, чего мы пока не можем себе представить.

Мирон скептически хмыкнул, скрестив руки.

— Звучит так, будто нам всучили карту на языке, которого никто не знает, — бросил он. — И при этом сказали — идите туда, доверьтесь.

— Возможно, именно так, — ответил я, и тяжесть этой мысли начала постепенно укладываться в голову. — Вопрос в том, доверять ли карте, написанной чем-то, что мы даже не можем толком разглядеть.

Лира посмотрела на узор, затем на меня, и в её взгляде читался тот самый вопрос, который, я знал, скоро придётся задать всему экипажу.

— Алиса, — бросил я, — сколько времени потребуется, чтобы хотя бы попытаться расшифровать систему отсчёта?

Она на секунду задумалась, окидывая взглядом весь массив данных, выведенных на её планшет.

— Не знаю, капитан, — произнесла она тихо. — Возможно, дни. Возможно, недели. Это не та задача, для которой существует готовый алгоритм — придётся подбирать гипотезы и проверять их одну за другой.

Я обвёл взглядом мостик — Кая, всё ещё зачарованного происходящим, Мирона, настоящего и практичного, Лиру, взвешивающую риски, и Алису, для которой это было не просто загадкой, а самым важным открытием в её короткой карьере.

— Тогда у нас есть новая задача, — ответил я. — И, кажется, куда более важная.

— Предлагаю подключить к этому ОРКА, — произнёс я, поворачиваясь к Алисе. — Он сможет проверять твои гипотезы быстрее, чем ты успеешь набрать их вручную — особенно если придётся прогонять десятки вариантов систем отсчёта. Лира, тебе задача отдельная: проверь все доступные базы данных, открытые и архивные, на предмет чего-то похожего на этот формат записи — вдруг кто-то и раньше сталкивался с подобной структурой, просто не понимал, что видит.

— Уже начинаю поиск, — кивнула Лира, разворачиваясь к своей консоли.

— ОРКА, — ответил я, — подключайся к работе Алисы напрямую. Полный доступ к данным сканера и любым вычислительным ресурсам, какие потребуются.

— Принято, капитан, — отозвался ОРКА. — Готов обрабатывать гипотезы параллельно с научным отсеком. Учитывая объём возможных комбинаций систем отсчёта, моя вычислительная мощность сократит время проверки каждой версии в разы по сравнению с ручным анализом.

Алиса повернулась ко мне, и в её взгляде вновь зажглась та самая решимость, которая, я подозревал, не угасала в ней с самого первого утра этой истории.

— С ОРКА мы можем перебрать гораздо больше вариантов, — добавила она. — Это меняет дело.

— У вас есть ровно двадцать четыре часа, — произнёс я, и эти слова прозвучали жёстче, чем мне хотелось бы, но иначе было нельзя. — Через сутки мы возвращаемся на прежний курс, независимо от результата. Я не могу позволить себе бесконечно стоять на месте, теряя время до Тессеры, ради головомолки, у которой может и вовсе не быть решения.

Лира едва заметно наклонила голову, не отрываясь от экрана.

— Двадцать четыре часа, — повторила она. — Достаточно жёсткий срок для такой задачи.

— Жёсткий, — согласился я. — Но необходимый. Если за сутки мы не найдём ответ — заберём всё, что собрали, продолжим миссию, и будем разбираться с этим уже на месте, или вообще оставим это для следующей экспедиции с более подходящим оборудованием.

Алиса на секунду замешкалась, явно борясь с желанием возразить, но в итоге просто кивнула.

— Двадцать четыре часа, — сказала она. — Тогда не будем терять ни минуты.

Она развернулась к своему терминалу, уже выкрикивая ОРКА первые параметры для проверки, а Лира с головой погрузилась в архивные базы данных. Мостик наполнился новой,

деятельной энергией — впервые за эти дни ожидание сменилось настоящей, сосредоточенной работой против тикающего часа.

Сутки потекли в странном, непривычном ритме. Мостик и научный отсек превратились в эпицентр почти непрерывающейся работы: Алиса практически не отходила от своего терминала, время от времени обмениваясь короткими репликами с ОРКА — то «проверь эту гипотезу», то «нет, не то, давай следующую», — а ИИ методично прогонял один вариант системы отсчёта за другим, выводя результаты на её экран сплошным потоком отказов и редких, острожных совпадений.

Ли́ра скрылась в архивах настолько глубоко, что, казалось, забывала о времени — несколько раз я заставлял её за одним и тем же положением, разве что список открытых вкладок на экране успевал измениться.

Я сам не сидел сложа руки — каждые час-полтора обходил мостик и лабораторию, проверяя, как продвигается работа, не столько из необходимости контроля, сколько из потребности быть рядом, хоть немного делить общее напряжение.

— Как дела? — спросил я в очередной раз, заглянув в лабораторию около полудня.

Алиса, не отрываясь от экрана, лишь пожала плечами.

— ОРКА перебрал уже больше трёхсот вариантов систем отсчёта, — произнесла она. — Два показались многообещающими, но при проверке оба развалились. Продолжаем.

— Продолжайте, — подтвердил я, не желая прерывать её больше, чем необходимо, и направился дальше по коридору.

В мастерской я застал Мирона за разборкой того самого старого стабилизатора, который он так и не выбросил после первой проверки — на этот раз он копался в нём с увеличительным стеклом, явно ища хоть что-то, что могло бы пригодиться для общей картины.

— Без обид, капитан, — произнёс он, не поднимая головы, — но раз все при деле, я подумал — чем сидеть без толку, проверю-ка ещё раз этот блок. Вдруг прошлый раз что-то упустил.

— Хорошая мысль, — добавил я. — Нашёл что-нибудь?

— Пока нет, — он покачал головой. — Но я упорный.

Кай, в свою очередь, помогал то Алисе с настройкой сканера, то Лире с быстрым доступом к старым техническим архивам, мечась между двумя фронтами работы с энергией человека, который наконец почувствовал себя действительно нужным сразу всем.

К вечеру я снова поднялся на мостик, где Ли́ра, оторвавшись от экрана, устало потёрла глаза.

— Что-то нашла? — спросил я, опускаясь в кресло рядом.

— Ничего конкретного, — призналась она. — Несколько упоминаний о странных аномалиях в других секторах, разрозненных и без подробностей. Возможно, связано, возможно — просто совпадения. Слишком мало данных, чтобы быть уверенной.

Я посмотрел на хронометр в углу экрана — отсчёт показывал чуть больше половины срока, отведённого на разгадку. Усталость уже читалась на лицах всех, кто работал над этой загадкой, но никто, кажется, даже не думал о том, чтобы остановиться раньше времени.

— Двенадцать часов, — произнёс я вслух, не столько информируя Лиру, сколько напоминая самому себе. — Будем держаться столько, сколько нужно.

В ожидания результатов, я начал чувствовать, что больше не в силах сосредоточиться так, как требовала ситуация — глаза слипались, мысли расплывались, а от кофе уже почти не было толку.

— Капитан, — заметила Ли́ра, оторвавшись от своего экрана, — вам бы отдохнуть хоть немного. Толку от вас сонного будет немного, если что-то всё-таки случится среди ночи.

— Может, ты права, — признал я, неохотно поднимаясь из кресла. — Сообщите немедленно, если что-то изменится — даже если мне покажется, что я сплю всего пять минут.

— Обязательно, — кивнула Алиса, не отрывая взгляда от потока данных на своём терминале.

Я добрался до каюты почти на автомате, переоделся и лёг, хотя поначалу был уверен, что не смогу уснуть — мысли упорно возвращались к тому самому сплетению линий и чисел, что не давало покоя всем нам последние сутки. Но усталость взяла своё быстрее, чем я ожидал, и я провалился в тяжёлый, беспокойный сон без единого образа.

Глава 5

Меня разбудил пронзительный крик — настолько неожиданный и громкий, что я рывком сел на кровати, не сразу сообразив, реальность это или остаток сна.

— ОРКА! Капитан! У МЕНЯ ПОЛУЧИЛОСЬ! — голос Алисы разносился по внутренней связи на пределе громкости, срываясь от восторга.

Я вскочил, едва успев натянуть форму, и почти бегом бросился в сторону научного отсека — каюта показалась бесконечно длинной за те секунды, что потребовались, чтобы добраться до двери.

Когда я вбежал внутрь, Алиса стояла посреди лаборатории, прижав обе руки ко рту, а на её лице читалась та самая смесь шока и абсолютного, ничем не сдерживаемого восторга, которую я уже видел у неё прежде — только сейчас она была в десять раз сильнее.

— Капитан, — она едва могла говорить связно, — мы нашли систему отсчёта. ОРКА перебрал последнюю партию гипотез буквально десять минут назад, и одна из них... одна из них точно совпала со структурой узора. Все блоки выровнялись, все числа сложились в единую последовательность без единого расхождения.

Лира, тоже разбуженная, появилась в дверях секундой позже, на ходу запахивая форму, и встала рядом со мной, тяжело дыша.

— Это правда координаты? — спросила она.

— Да, — Алиса дрожащей рукой указала на главный экран лаборатории, где ОРКА уже выводил расшифрованные данные в привычном для нас формате навигации. — Капитан, это координаты конкретной точки в пространстве. И они... они не так уж далеко от нашего текущего курса.

Я медленно подошёл к экрану, глядя на цифры, которые двадцать часов назад были просто непонятным узором на металле, а теперь превратились в точный, осмысленный адрес где-то среди звёзд.

— Куда именно? — спросил я тихо, хотя уже чувствовал, что ответ изменит всё, что мы планировали дальше.

— ОРКА, — сказал я, не отрывая взгляда от цифр на экране, — введи координаты и рассчитай расстояние до указанной точки. Сколько времени потребуется, чтобы туда добраться?

— Вношу координаты, капитан, — отозвался ИИ. Несколько секунд тишины — непривычно долгих для расчёта, который обычно занимал у него доли мгновения. — Расчёт завершён. Расстояние до указанной точки укладывается в пределы текущего сектора. При маршевой скорости — с учётом действующих ограничений по щитам — время в пути составит примерно шестнадцать часов.

Шестнадцать часов. Я почувствовал, как это число укладывается в голове рядом со всеми остальными цифрами последних дней — девятнадцать суток задержки, двадцать четыре часа на расшифровку, и теперь это.

— Шестнадцать часов, — повторила Лира, обмениваясь со мной взглядом. — Это совсем рядом, капитан. По меркам космоса — практически за углом.

Алиса, до этого ещё не до конца пришедшая в себя от собственного открытия, медленно опустилась на стул.

— Оно не просто указало направление, — сказала она тихо. — Оно указало место, которое находится в пределах досягаемости. Как будто точно знало, как далеко мы можем зайти за разумное время.

Я молча смотрел на координаты на экране, понимая, что в эту секунду решение, которое я должен был принять, перестало быть теоретическим вопросом из разряда «доверять ли карте от неизвестного». Шестнадцать часов — это было достаточно близко, чтобы соблазн оказался

почти непреодолимым, и достаточно далеко от безопасного, проверенного маршрута к Тессере, чтобы каждая клетка капитанского опыта во мне настороженно сжалась.

— Соберите всех на мостике, — произнёс я наконец. — Это решение я не намерен принимать в одиночку.

Спустя двадцать минут весь основной состав собрался на мостике — Лира и Алиса уже были на месте, Кай прибежал с заспанным, но взбудораженным видом, а Мирон явился последним, неся с собой кружку крепкого чая, будто заранее знал, что разговор обещает быть долгим.

— Итак, — начал я, обращаясь ко всем сразу, — у нас есть координаты, расшифрованные из послания. Точка находится в шестнадцати часах пути отсюда, в пределах текущего сектора. Прежде чем я приму решение, хочу услышать мнение каждого из вас — потому что это касается всех на борту, а не только меня.

Мирон первым отставил кружку и заговорил, как обычно, прямо и без обиняков.

— Капитан, при всём уважении к научному азарту, — он кивнул в сторону Алисы, не вкладывая в это никакой злобы, — мы понятия не имеем, что нас там ждёт. Мы летим на зов чего-то, что умеет пробивать наши щиты, перестраивает молекулярную структуру металла и общается языком магнитных полей. Это с равной вероятностью может быть приглашением и ловушкой.

— Согласна с риском, — тут же отозвалась Алиса, явно готовая к этому аргументу заранее, — но подумайте, чего мы упустим, если откажемся. Это первый зафиксированный случай возможного разумного контакта в истории освоения этого сектора. Если мы развернёмся сейчас, мы никогда не узнаем, что было на той точке — а оно, очевидно, очень старательно пыталось до нас докричаться.

— Докричаться — или заманить, — заметила Лира, и в её голосе слышалась та самая профессиональная настороженность бывшего развед агента, которая редко подводила. — История с «Меридианом» нас всему этому не учит ничему хорошему. Они выжили чудом, и даже тогда у них всё ограничилось одним инцидентом без явного раскрытия источника. Мы рискуем зайти куда дальше них.

Кай, до этого молчавший, неуверенно поднял руку, как будто всё ещё привыкал к тому, что его мнение действительно что-то значит на таких совещаниях.

— Можно сказать? — спросил он, и, получив мой кивок, продолжил: — Я понимаю риски. Но мы уже на середине этой истории, хотим мы того или нет. Антенна, энергоблок, капсула Раша — оно уже три раза касалось нашего корабля, ещё до того, как мы решили искать с ним контакта. Если мы развернёмся сейчас, где гарантия, что оно просто оставит нас в покое? Может, лучше встретить это на наших условиях, готовыми, чем ждать, что оно снова появится само, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Несколько секунд на мостике висела тишина — каждый аргумент был по-своему весомым, и ни один не отменял остальные.

— Шестнадцать часов туда, шестнадцать обратно, — добавил я наконец, вслух подытоживая то, что взвешивал про себя. — Это тридцать два часа сверх уже накопленной задержки. Прибавим время на сам контакт, если он состоится, — и счёт может пойти на дни, не на часы.

— Время уже не главная проблема, капитан, — тихо заметила Лира. — Главная проблема — вернёмся ли мы оттуда вообще в том же составе, в каком туда отправимся.

Я обдумал её слова несколько секунд, прежде чем заговорить.

— Хорошо, — произнёс я. — Раз уж мы решаемся на это, я не хочу идти туда безоружными. Предлагаю к моменту прибытия разбудить Северина Раша и остальных двух армейцев из крио-капсул. Мы не знаем, чего ожидать на месте, и лишняя страховка нам сейчас точно не помешает — даже если придётся потом разбираться, можно ли им доверять в полной мере.

Лира, до этого молча слушавшая, пожала плечами.

— В целом наёмники, нанятые командованием для нашей защиты, не самая плохая новость, — произнесла она. — Хуже было бы, если бы их вообще не было на борту. Меня беспокоит конкретно Раш, а не сам факт присутствия охраны.

— Согласен, — подтвердил я. — Двое остальных — обычные контрактники, выполняющие свою работу за плату. С ними не должно быть проблем. Раш — другое дело, и именно за ним нужно наблюдать особенно внимательно.

Мирон хмыкнул, отставляя кружку.

— Хотя какое-то облегчение, — бросил он. — Одна голова поспокойней — уже хорошо, учитывая, сколько всего у нас на руках за последние дни.

— ОРКА, — бросил я, — при пробуждении экипажа из крио-сна, веди отдельный, более тщательный мониторинг показателей именно капсулы Раша. Двух остальных можно будить по стандартному протоколу.

— Принято, капитан, — отозвался ОРКА. — Начинаю подготовку процедуры пробуждения с учётом этих параметров.

Шестнадцать часов прошли на удивление спокойно — без единого нового всплеска, поломки или странного показателя на экранах ОРКА. Я почти ждал очередной неожиданности, но «Горизонт» вёл себя смирно, словно тоже понимал, что лучшее, что он может сделать сейчас — это просто долететь без новых проблем.

Северин Раш и оба контрактника проснулись по расписанию, без осложнений — ОРКА доложил, что показатели всех троих после выхода из крио-сна были полностью в норме, включая Раша. Доктор Севальд тоже поднялась, бодрая и собранная, как человек, для которого пробуждение посреди важного момента было привычным делом, а не неожиданностью.

Когда до расчётной точки осталось около получаса, я собрал на мостике весь основной состав — Лиру, Алису, Мирона, Кая, и троих только что разбуженных бойцов, ещё немного неуверенно держащихся на ногах после долгого сна. Доктор Севальд тоже пришла на мостик вместе с ними — собранная и спокойная, как человек, для которого подобные обстоятельства давно стали привычной частью службы.

— Подходим к цели, — доложил ОРКА. — Десять минут до расчётных координат.

Мостик постепенно наполнился напряжённой тишиной — той самой, что предшествует моменту, когда неизвестность наконец готова раскрыть себя.

— Вижу объект, — произнёс ОРКА секунд через шесть после того, как мы поравнялись с указанной точкой. — Вывожу изображение на главный экран.

Картина, развернувшаяся перед нами, заставила весь мостик замереть. На фоне черноты космоса медленно дрейфовал корабль — но не обломок, не астероид, а целая, явно искусственная конструкция, чуть превышающая «Горизонт» по размерам. Его форма не напоминала ничего из известных нам схем: гладкие, текущие линии корпуса, без единого резкого угла, переливались тусклым, почти органическим блеском, будто поверхность была живой, а не металлической.

— Это... — начала Лира, и осеклась, не найдя слов.

— Инопланетный корабль, — закончил за неё я, чувствуя, как собственный голос звучит непривычно тихо. — Настоящий.

Алиса стояла, прижав обе руки ко рту, в её глазах отражался свет чужого корабля на экране — смесь благоговения и абсолютного, ничем не сдерживаемого восторга, какого я никогда не видел у неё прежде.

— Капитан, — сказала Алиса, не отрывая взгляда от инопланетного корабля на экране, — если мы хотим попытаться установить контакт, нам нужно нечто большее, чем просто наблюдение. Используя расшифрованную систему отсчёта и структуру самого узора, я могу попробовать построить что-то вроде переводчика — устройство, которое сможет кодировать и декодировать сообщения в той же магнитной форме, в которой нам пришли координаты.

— Переводчик, — повторил я, оборачиваясь к ней. — Думаешь, это возможно?

— Не уверена на сто процентов, — призналась она. — Но у нас уже есть рабочая модель их системы записи — мы знаем, как они кодируют числовые последовательности. Если расширить эту логику, можно попытаться сформировать базовый набор сигналов: простые понятия, может быть, даже что-то вроде приветствия. Это не будет полноценным языком, но это шанс хотя бы попытаться сказать «мы здесь, мы не угроза», вместо того чтобы просто молча приближаться к их кораблю.

Лира скептически нахмурилась, не отрывая взгляда от чужого судна на экране.

— А если они уже знают, что мы здесь? — спросила она. — Корабль абсолютно неподвижен, никаких признаков двигательной активности, никакого ответного сигнала с момента, как мы вошли в зону прямой видимости. Может, нам не нужен переводчик. Может, нам нужно понять, почему оно молчит.

Эти слова повисли в воздухе чуть дольше, чем хотелось бы.

— Сделаем и то, и другое, — сказал я наконец. — Алиса, начинай работу над устройством — используй ОРКА для расчётов, как и в прошлый раз. Если нам повезёт получить шанс на контакт, я хочу, чтобы мы были к нему готовы, а не импровизировали на месте.

— Уже начинаю, — кивнула Алиса, разворачиваясь к своему терминалу с тем самым решительным блеском в глазах.

— А мы, — я повернулся к Мирону и троем бойцам, — подготовим всё необходимое для возможной высадки. Если корабль действительно настолько неподвижен и тих, как кажется, нам, вероятно, придётся подойти ближе — и, может быть, войти внутрь, чтобы получить хоть какие-то ответы.

— Кай, — окликнула Алиса, уже разворачиваясь к терминалу, — пойдёшь со мной? Мне понадобится кто-то, кто соберёт сам корпус устройства и настроит излучатель сигнала — у меня хватит рук на расчёты, но не на пайку контактов одновременно.

— Конечно, — Кай уже шагнул в сторону выхода с мостика, явно обрадованный возможностью оказаться в центре событий снова. — Если получится сделать что-то похожее на МПУ, только для передачи, а не для приёма — справимся быстро, у нас уже есть готовая база по корпусам и изоляции.

— Именно так я и думаю, — сказала Алиса, поднимаясь следом. — Возьмём за основу схему МПУ, но переработаем под двустороннюю передачу сигнала.

Они вместе вышли с мостика в сторону лаборатории, на ходу уже обсуждая первые технические детали — Кай жестикулировал, набрасывая в воздухе примерную форму корпуса, а Алиса то и дело останавливала его, поправляя с точки зрения самой логики кодирования сигнала.

Я посмотрел им вслед, затем повернулся к оставшимся на мостике — Лире, Мирону и троем бойцам, которые молча, но внимательно следили за неподвижным кораблём на экране, ожидая дальнейших распоряжений.

— Начинаем подготовку к возможной высадке, — добавил я. — Время до того, как мы решим подойти ближе, у нас есть — но не бесконечно много.

Следующие несколько часов на «Горизонте» прошли в напряжённой, но методичной подготовке. МIRON, оказавшись наконец в своей стихии, развернул в шлюзовом отсеке настоящий смотр снаряжения — скафандры, инструменты, аварийные комплекты, всё проверялось и перепроверялось с почти религиозной тщательностью.

— Если придётся идти внутрь чужого корабля, — приговаривал он, проверяя герметичность очередного шлема, — я хочу, чтобы у нас был запас кислорода в полтора раза больше расчётного. Мало ли, какая там атмосфера, и сколько времени уйдёт на то, чтобы понять, можно ли её вообще дышать.

Северин Раш и двое контрактников держались поодаль, но включились в подготовку быстро и без лишних вопросов — судя по уверенным, отработанным движениям, для них сборы перед потенциально опасной высадкой были рутиной, а не поводом для тревоги.

— Капитан, — обратился ко мне один из бойцов, представившийся как Дрейк, проверяя крепления своего оружия, — какие правила применения силы на этот раз? Учитывая, что объект — неизвестное разумное существо, а не обычная цель контакта.

Хороший вопрос — и я не сразу нашёл, как на него ответить с полной уверенностью.

— Оружие — только в самом крайнем случае, — сказал я наконец. — Наша цель — контакт, не конфронтация. Если ситуация позволит обойтись без единого выстрела — мы обойдёмся. Если же возникнет прямая угроза жизни экипажа — действуйте по обстоятельствам, но я ожидаю крайней сдержанности.

Дрейк кивнул без возражений, отметив что-то для себя, и вернулся к проверке снаряжения.

Доктор Севальд, расположившись с медицинским набором у соседней консоли, методично готовила всё необходимое для возможных травм или непредвиденных физиологических реакций — на чужой воздух, на излучение, на что угодно, что могло поджидать нас на борту неизвестного корабля.

— Если атмосфера там окажется токсичной даже в следовых количествах, — сказала она, не отрываясь от своей работы, — я хочу иметь под рукой полный набор для декомпрессии и обработки на случай нарушения герметичности скафандра. Лучше перестраховаться, чем потом разбираться постфактум.

Я смотрел, как быстро и слаженно команда втянулась в подготовку, несмотря на абсолютную неизвестность того, что нас ждало впереди.

Спустя примерно три часа в дверь мостика заглянул Кай — уставший, но с характерным для него азартным блеском в глазах.

— Капитан, — произнёс он, — у нас почти готов прототип. Алиса хочет, чтобы вы сами на это взглянули, прежде чем мы начнём первую попытку передачи.

Я спустился в лабораторию вслед за Каем. Алиса стояла у рабочего стола, на котором лежало компактное устройство — чуть больше ладони, с теми же характерными изолирующими элементами, что и в МПУ, но с добавленным небольшим излучателем и сенсорной панелью, мигающей рядом контрольных индикаторов.

— Капитан, — произнесла она, не скрывая усталой, но довольной улыбки, — представляю вам первый прототип переводчика. Условно назвала его «Мелофон» — раз уж у нас уже есть МПУ, пусть и тут будет имя, а не просто номер.

— «Мелофон», — повторил я, разглядывая устройство. — Как он работает?

— На основе расшифрованной системы координат мы вместе с ОРКА смогли построить базовый словарь, — пояснила Алиса. — Не язык в полном смысле, а набор простых, однозначных понятий, выраженных через те же магнитные структурные паттерны, что и в исходном послании: «мы», «здесь», «мир», возможно, что-то близкое к «не угроза». Устройство кодирует эти понятия в сигнал и способно принимать ответ в той же форме, если он придёт.

— Если придёт, — заметила Лира, скептически скрестив руки.

— Если придёт, — согласилась Алиса. — Но это единственный способ хотя бы попытаться, который у нас есть.

Я взял устройство в руки, ощущая его неожиданную лёгкость.

— Как мы будем его использовать? — спросил я. — Через МПУ снаружи или нужен отдельный контакт?

— Можно использовать его и снаружи, через корпус, и при непосредственном приближении к их кораблю, — ответил Кай. — Мы сделали его автономным, с собственным источником питания, на случай, если придётся брать его с собой при высадке.

— Тогда возьмём его с собой, — решил я. — Если нам действительно придётся войти на борт, я хочу, чтобы первым, что они увидят от нас — если там есть кто-то, способный увидеть, — была попытка диалога, а не просто люди в скафандрах с оружием.

Алиса бережно убрала устройство в защитный контейнер, и в её движениях читалось почти трепетное отношение к собственному творению.

— Капитан, — сказала она, на секунду остановившись, — что бы мы ни нашли там, внутри — я готова. Серьёзно готова, как никогда в жизни.

Я посмотрел на неё, затем на Кая, на их обоих — людей, которые меньше года назад были новичками на этом корабле, а теперь стояли в центре, возможно, самого значимого момента во всей истории человеческого освоения космоса.

— Тогда идём, — бросил я. — Пора посмотреть, что нас ждёт на самом деле.

Поднявшись на мостик, я обвёл взглядом собравшихся — все, кто должен был участвовать в первой попытке контакта, уже были на местах, ожидая моего распоряжения.

— Алиса, — произнёс я, — пора попробовать. Отправь первое сообщение их кораблю через «Мелофон», используя МПУ как передатчик. Начни с самого простого — попытайся передать что-то близкое к приветствию, обозначить, что мы здесь и что у нас нет враждебных намерений.

Алиса кивнула, уже подключая компактное устройство к внешнему контуру МПУ через переносной интерфейс, который Кай заранее подготовил именно для такого случая.

— Готовлю передачу, — ответила она, пальцы быстро двигались по сенсорной панели «Мелофона». — Кодирую базовую последовательность: «мы», «здесь», «не угроза».

На мостике стало совершенно тихо — даже привычный гул систем «Горизонта» казался сегодня приглушённым, будто сам корабль затаил дыхание вместе с нами.

— Передача готова, — сказала Алиса наконец, поднимая взгляд на меня. — Отправлять?

— Отправляй, — сказал я.

Она коснулась последней клавиши, и на экране ОРКА показал короткий всплеск активности — сигнал ушёл через МПУ в сторону неподвижного корабля, дрейфующего где-то в нескольких километрах от нас.

— Сигнал отправлен, — доложил ОРКА. — Жду подтверждения получения или ответной реакции.

Все взгляды на мостике устремились на главный экран, где инопланетный корабль продолжал висеть в пустоте — безмолвный, неподвижный, ничем не выдающий, заметил ли он наше сообщение вообще.

Секунды тянулись мучительно медленно.

Минуты тянулись одна за другой, а корабль на экране оставался всё таким же безмолвным — ни вспышки, ни изменения в показателях, ни малейшего намёка на то, что наше сообщение было замечено.

— Ничего, — сказала Лира тихо, нарушив тишину первой.

Я взглянул на хронометр — прошло почти пять минут с момента отправки, и с каждой секундой надежда на немедленный ответ таяла всё сильнее.

— Алиса, — сказал я, — повтори передачу. Может, сигнал был слишком слабым, или мы что-то упустили в самой структуре кодирования.

— Повторяю, — сказала Алиса, снова склоняясь над панелью «Мелофона». Несколько секунд она проверяла параметры передачи, слегка увеличивая мощность сигнала перед повторной отправкой. — Сейчас.

Сигнал снова ушёл через МПУ, и на экране ОРКА мелькнула та же короткая вспышка активности, что и в первый раз.

— Передача повторена, — доложил ОРКА. — Параметры сигнала идентичны первой попытке, мощность увеличена на пятнадцать процентов.

Мостик снова погрузился в напряжённое ожидание. Кай чуть подался вперёд, будто одним усилием воли мог заставить чужой корабль откликнуться. Мирон скрестил руки, не отрывая взгляда от неподвижного силуэта на экране. Даже Раш и его напарники, до этого державшиеся в стороне с профессиональной невозмутимостью, теперь смотрели на дисплей с явным вниманием.

— Ничего, — повторила Алиса спустя ещё минуту, и в её голосе впервые прозвучало что-то похожее на разочарование. — Капитан, либо сигнал до них не доходит в принципе, либо... либо там просто нет никого, кто мог бы на него ответить.

— Хорошо, — ответил я наконец. — Ждать дальше не вижу смысла. ОРКА, подведи «Горизонт» на дистанцию, достаточную для телепортации экипажа на борт чужого корабля. Когда окажемся на этом расстоянии, попробуем связаться с ними ещё раз, прежде чем решать, идти ли внутрь.

— Сокращаю дистанцию, капитан, — добавил ИИ. — Учитывая размеры и неизвестную природу объекта, рекомендую подходить медленно, постоянно отслеживая любые изменения в его поведении.

— Согласен, — подтвердил я. — Медленно, но не останавливаясь.

«Горизонт» начал плавно сближаться с чужим кораблём, и на главном экране его силуэт постепенно увеличивался, открывая всё больше деталей гладкой, текущей поверхности корпуса — деталей, которые с такого расстояния выглядели даже более странными и чуждыми, чем прежде.

— Подходим на дистанцию, достаточную для телепортации, — доложил ОРКА спустя несколько напряжённых минут. — Параметры стабильны, корабль не предпринимает никаких ответных действий.

— Алиса, — добавил я, — попробуем ещё раз. Может, на таком расстоянии сигнал дойдёт лучше, чем издалека.

— Готовлю передачу, — отозвалась она, вновь склонившись над «Мелофоном». Несколько секунд настройки, и сигнал ушёл в третий раз через МПУ — теперь с минимальной задержкой до цели, почти без пространства для затухания мощности на таком близком расстоянии.

— Передача отправлена, — доложил ОРКА.

Мостик снова застыл в ожидании, на этот раз все взгляды были устремлены на корабль, который теперь занимал почти треть главного экрана — настолько близко, что становились видны мельчайшие текстуры на его гладкой, переливающейся поверхности.

Секунды тянулись медленно, и я начал готовиться к тому, что ответа снова не последует.

Прошла минута, потом другая — корабль на экране оставался всё таким же безмолвным, ни малейшего отклика на третью попытку контакта.

— Ничего, — сказала Алиса тихо, и в её голосе теперь звучало больше решимости, чем разочарования. — Капитан, кажется, ответа мы не получим, пока не окажемся непосредственно внутри.

Я медленно кивнул, принимая то, что, по сути, уже понимал последние полчаса.

— Группа, на телепортационную площадку, — бросил я, оборачиваясь к Раши, Дрейку и Корну. — Пора выяснить, что нас там ждёт.

— Принято, капитан, — отозвался Раш, впервые за всё время заговорив на мостике — голос у него оказался ровным, лишённым всякой лишней эмоции, как у человека, привыкшего к подобным заданиям.

— Если всёйдёт спокойно, — продолжил я, — вызываем вторую группу. Алиса, ты идёшь во второй партии вместе с переводчиком — но только если первая разведка не выявит прямой угрозы.

Алиса явно хотела возразить, но сдержалась, лишь крепче прижав к себе контейнер с «Меллофоном».

— Понимаю, капитан, — добавила она. — Хотя бы войду туда, а не буду смотреть на всё с экрана.

— Войдёшь, — пообещал я. — Но только после того, как мы убедимся, что там относительно безопасно.

Мирон, до этого молча наблюдавший за подготовкой, подошёл ближе, неся последний комплект снаряжения для группы.

— Удачи, капитан, — бросил он, протягивая мне шлем. — И возвращайтесь все целиком, в одном экземпляре каждый, а не частями.

Я взял шлем, чувствуя, как привычная тяжесть снаряжения возвращает ощущение собранности перед тем, что, я знал, могло стать самым важным моментом всей моей карьеры.

Мы выстроились на телепортационной площадке — компактном отсеке с характерной разметкой на полу, который я использовал считаное количество раз за всю карьеру. Раш, Дрейк и Корн заняли позиции по периметру площадки, каждый со своим оружием, готовым, но не направленным никуда конкретно — профессиональная сдержанность людей, не привыкших паниковать раньше времени.

— Все готовы? — спросил я, проверяя последний раз герметичность собственного скафандра.

— Готовы, капитан, — отозвался Раш за всех троих, и его голос звучал так же ровно, как и прежде.

— ОРКА, — добавил я, — начинай телепортацию по моей команде. И продолжай поддерживать связь на протяжении всего времени, что мы будем на борту — если сигнал прервётся хоть на секунду, я хочу, чтобы вы немедленно сообщили об этом Лире.

— Готов к телепортации, капитан, — произнёс ОРКА. — Координаты цели зафиксированы внутри основного корпуса инопланетного судна, в самой большой обнаруженной полости — предположительно, центральный отсек.

Я бросил последний взгляд на собравшихся на мостике через смотровое окно отсека — Лира стояла у консоли, скрестив руки, Алиса прижимала к себе контейнер с «Меллофоном», явно борясь с желанием оказаться здесь, на площадке, вместе с нами. Мирон просто молча кивнул мне через стекло — без слов, но достаточно, чтобы я понял пожелание удачи.

— Начинай, — сказал я.

— Телепортация через три, два, один, — отозвался ОРКА.

На мгновение всё вокруг растворилось в характерном, едва ощутимом покалывании, которое всегда сопровождало этот процесс — будто тело на долю секунды перестаёт быть целым, а затем вновь собирается воедино уже в другом месте.

Когда покалывание прошло и зрение восстановилось полностью, я обнаружил себя стоящим в совершенно ином пространстве — высоком, открытом отсеке с гладкими, изгибающимися стенами. Скафандр сразу отозвался тихим предупреждающим сигналом на внутреннем дисплее: давление снаружи костюма — нулевое. Воздуха внутри корабля не было вовсе, только мёртвый вакуум, неотличимый от открытого космоса за бортом.

Освещение здесь оказалось тусклым и прерывистым — где-то под потолком мерцали редкие, явно аварийные источники света, отбрасывающие на гладкие стены холодные, дрожащие тени. Никакого тёплого, живого свечения, которое мы наблюдали снаружи корабля — внутри царил почти могильная полутьма, нарушаемая лишь редкими вспышками умирающих систем.

Раш, Дрейк и Корн появились рядом со мной почти одновременно, мгновенно расходясь по периметру и беря пространство под визуальный контроль, оружие готово, но по-прежнему не поднято.

— Чисто, капитан, — доложил Дрейк после быстрого осмотра. — Никакого движения, никаких признаков присутствия.

— Атмосферы нет, — добавил Корн, проверяя показания на собственном дисплее. — Полный вакуум. Освещение — судя по характеру мерцания, аварийное, на резервном питании. Основные системы, похоже, давно не функционируют.

Я медленно обвёл взглядом отсек — огромное, пустое пространство, лишённое каких-либо узнаваемых элементов: ни кресел, ни панелей управления, ни единого предмета, который можно было бы соотнести с привычным понятием корабельного интерьера. Только мерцающий полумрак и абсолютная, неподвижная тишина, которую даже скафандр не мог полностью скрыть.

— ОРКА, ты меня слышишь? — спросил я, проверяя связь.

— Слышу вас отчётливо, капитан, — отозвался голос ИИ через встроенный динамик скафандра. — Связь стабильна. Жду дальнейших указаний.

— Передай на мостик, — бросил я, медленно делая несколько шагов вглубь тёмного, безмолвного пространства, — что мы внутри. Атмосферы на борту нет, освещение работает только в аварийном режиме. Корабль выглядит... покинутым. Возможно, давно.

— Раш, Дрейк, Корн, — сказал я, оборачиваясь к ним, — расходитесь по кораблю, исследуйте основные отсеки. Двигайтесь группой, докладывайте о любом найденном объекте или признаке присутствия немедленно, не дожидаясь моего запроса. Если найдёте что-то похожее на пульт управления, рубку или жилые помещения — отмечайте координаты и продолжайте дальше, не трогая ничего без необходимости.

— Принято, капитан, — отозвался Раш, и все трое двинулись к одному из боковых проходов, медленно расходясь веером света от наручных фонарей по тёмным, мерцающим коридорам корабля.

Я проследил за ними взглядом, пока они не скрылись за изгибом стены, затем активировал связь с мостиком.

— ОРКА, передай Алисе — пусть телепортируется ко мне, вместе с «Мелофоном». Атмосферы здесь нет, так что ей нужен полный скафандр, не облегчённый вариант.

— Передаю сообщение, капитан, — добавил ИИ. — Алиса уже готовится, телепортация будет произведена через несколько минут, как только завершится проверка герметичности костюма.

Я остался один в этом гулком, тёмном пространстве, и тишина вокруг казалась почти физически давящей — ни единого звука, кроме собственного дыхания внутри шлема и едва слышного гула систем жизнеобеспечения скафандра. Стены продолжали мерцать аварийным светом, и в этом неровном, прерывистом ритме было что-то тревожное — будто сам корабль медленно угасал, как огонёк свечи на ветру.

Спустя несколько минут знакомое покалывание возникло прямо передо мной, и в пространстве отсека материализовалась Алиса — полностью облачённая в скафандр, с контейнером «Мелофона», крепко прижатым к груди.

— Капитан, — сказала она, и даже через искажение шлемофона в её голосе слышалось то самое смешение благоговения и тревоги. — Это... это совсем не то, что я ожидала увидеть.

— Я тоже, — признался я, обводя взглядом тёмный, пустой отсек. — Корабль выглядит покинутым. Возможно, очень давно.

— Тогда идём за остальными, — бросил я, разворачиваясь в сторону прохода, куда ушли Раш, Дрейк и Корн. — Не хочу оставлять их одних дольше необходимого, особенно в таком состоянии корабля.

Алиса кивнула, поудобнее перехватывая контейнер с «Мелофоном», и мы вместе двинулись по тёмному, мерцающему коридору, освещая себе путь наручными фонарями. Гладкие стены тянулись по обеим сторонам, лишённые каких-либо привычных технических элементов

— ни проводки, ни видимых панелей, лишь тот же приглушённый, прерывистый аварийный свет, мигающий где-то под потолком через неравные промежутки.

Через несколько минут связь оживилась голосом Раша.

— Капитан, — доложил он, голос звучал чуть приглушённо через помехи внутренней связи скафандров, — мы нашли командный центр. Присутствие каких-либо существ пока не обнаружено — ни живых, ни... в любой другой форме. Ждём, когда вы подойдёте, прежде чем продолжать осмотр дальше.

— Принято, — отозвался я. — Передай координаты, идём к вам.

— Высылаю маршрут на ваш дисплей, — сказал Раш.

На внутреннем экране шлема появилась светящаяся линия, прокладывающая путь через лабиринт безмолвных коридоров. Мы с Алисой ускорили шаг, следуя за указателем, и вскоре впереди показался более широкий, открытый проём, из которого пробивался чуть более яркий, хотя всё такой же тревожно мерцающий свет.

— Командный центр, должно быть, там, — сказала Алиса, и в её голосе вновь зазвучало то самое нетерпение, смешанное с тревогой, которое не отпускало её с самого момента телепортации.

Мы прошли через проём и оказались в обширном, куполообразном помещении — судя по всему, действительно центральном узле управления кораблём. Раш, Дрейк и Корн стояли в центре, освещая фонарями нечто, напоминающее основной пульт — гладкую, изогнутую панель, тянущуюся почти по всему периметру комнаты, с россыпью тусклых, едва теплящихся индикаторов.

— Вот и командный центр, капитан, — сказал Раш, когда мы подошли ближе. — Пульт частично функционирует — кое-какие индикаторы ещё горят, хотя большинство, судя по всему, давно мертвы.

— Давай попробуем его оживить, — произнёс я, поворачиваясь к Алисе. — Запускай на переводчике команду «включить освещение» — может, корабль ещё способен на нас реагировать, даже если экипажа здесь и нет.

Алиса осторожно поставила контейнер с «Меллофоном» на край пульта и активировала устройство, быстро набирая параметры на сенсорной панели.

— Кодирую базовую команду через тот же магнитный протокол, — пробормотала она, скорее себе, чем нам. — «Свет», «включить» — если их система вообще способна интерпретировать столь простой запрос.

Она поднесла «Меллофона» ближе к пульту, синхронизируя устройство с одним из немногих ещё работающих индикаторов, и активировала передачу.

Несколько секунд ничего не происходило — только всё то же прерывистое, тревожное мерцание аварийных огней над головой.

Затем, без предупреждения, по всему помещению прошла едва заметная дрожь — не физическая, а скорее ощущение, будто сама структура корабля на мгновение откликнулась. Один за другим, начиная с самых дальних участков пульта, индикаторы начали загораться — неуверенно, мигая и гаснув по нескольку раз, прежде чем закрепиться в устойчивом, ровном свечении.

— Получилось, — прошептала Алиса, отступая на шаг с «Меллофоном».

Свет в самом помещении медленно усилился, аварийное мерцание сменилось более стабильным, хотя всё ещё тусклым освещением — будто корабль, простоявший в спячке неизвестно сколько времени, нехотя, со скрипом возвращался к жизни.

Раш резко вскинул оружие, разворачиваясь к одному из тёмных проходов, откуда донёсся низкий, протяжный механический гул — будто что-то огромное и давно неподвижное начало просыпаться где-то в глубине корабля.

— Капитан, — ответил он напряжённо, — кажется, мы разбудили не только свет.

— Теперь вам будет легче осмотреть корабль, — бросил я Северину, не отрывая взгляда от того прохода, откуда донёлся гул. — Расходитесь, проверьте остальные отсеки при нормальном освещении — так у нас будет шанс заметить то, что мы пропустили в темноте. Мы пока останемся здесь, с Алисой — попробуем разобраться в самом пульте, раз он наконец отозвался.

— Принято, капитан, — кивнул Раш, опуская оружие, хотя напряжение из его позы не исчезло до конца. — Дрейк, Корн — за мной. Разделимся по секторам, доклад каждые пять минут.

Трое бойцов разошлись по освещённым теперь коридорам, и низкий гул, прежде звучавший угрожающе в полной темноте, постепенно стал восприниматься иначе — не как пробуждение чего-то опасного, а как звук давно неработавших систем, медленно, со скрипом возвращающихся в рабочий режим вместе со светом.

Алиса, всё ещё держа «Меллофон» наготове, повернулась к пульту, разглядывая, как один за другим загораются новые сегменты панели.

— Капитан, — добавила она, — похоже, мы запустили не просто освещение — целую цепочку второстепенных систем. Возможно, со временем заработает что-то более полезное — навигационные данные, бортовой журнал, всё, что могло бы рассказать нам, что здесь произошло.

Я обвёл взглядом ожившее, но всё ещё пустое помещение — ни единого тела, ни малейшего следа того, кто или что управляло этим кораблём прежде.

— Будем надеяться, — произнёс я, — что эта штука расскажет нам больше, чем простое молчание, которое мы видели последние несколько часов.

Алиса быстро переключилась на следующий участок пульта, и на гладкой поверхности перед нами начали проступать тусклые, едва читаемые символы — те самые, что мы уже видели в расшифрованном узоре на обшивке «Горизонта».

— Пытаюсь получить доступ к бортовому журналу, — ответила она, синхронизируя «Меллофон» с соответствующим сегментом панели.

Несколько секунд индикаторы мигали, выстраиваясь в подобие загрузки, а затем разом погасли, оставив после себя лишь короткую, монотонную вспышку.

— Журнал пуст, — произнесла Алиса с явным разочарованием. — Совершенно пуст, капитан. Ни записей, ни истории полёта, ни единого упоминания об экипаже или цели миссии.

— Может, повреждён? — спросил я.

— Возможно, — она пожала плечами, не отрываясь от пульта. — Или его специально стёрли, или он никогда и не велся в привычном для нас смысле. Попробую остальные системы.

Она методично прошлась по соседним сегментам панели, один за другим активируя их через «Меллофон» — навигационные данные, системы жизнеобеспечения, технические протоколы. Каждый раз результат повторялся: пусто, либо неактивно, словно корабль был выпотрошен задолго до нашего появления.

— Капитан, — сказала Алиса наконец, голос её звучал растерянно, — здесь почти ничего нет. Корабль выглядит как полностью функциональная оболочка — но внутри, в смысле данных, он абсолютно пуст. Как будто его специально очистили.

Она замолчала на полпути к следующему сегменту, и индикатор под её пальцами вдруг засветился иначе — ровным, настойчивым ритмом, отличным от остальных, давно бездействующих систем.

— А это что? — спросила она, нахмурившись.

ОРКА, до этого молчавший, отозвался первым, его голос прорезался сквозь помехи связи с заметной тревогой.

— Капитан, я фиксирую исходящий сигнал с борта инопланетного корабля, — бросил он. — Судя по структуре, это широковещательная передача координат — и она распространяется по всей доступной радиусу действия галактике, без какой-либо избирательности по адресату.

Я резко обернулся к пульту.

— Координаты чего? Этого места?

— Именно так, капитан, — подтвердил ОРКА. — Корабль, по всей видимости, транслирует собственное местоположение каждому, кто способен принять сигнал. И активировался он сразу после того, как мы включили основные системы.

Алиса побледнела, осознав, что именно она запустила своей же командой.

— Отключи эту функцию, немедленно, — добавил я, и в голосе моём прозвучала жёсткость, которой я сам не ожидал от себя в эту секунду. — Мы не знаем, кто способен принять этот сигнал — и не хотим, чтобы кто-то нашёл нас здесь раньше, чем мы будем готовы к встрече.

Алиса дрожащими руками быстро ввела команду через «Мелофона», и спустя несколько секунд настойчивый, ритмичный индикатор наконец потух.

— Сигнал остановлен, — доложил ОРКА. — Передача координат прекращена.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как напряжение, скопившееся за последние минуты, чуть отступает — хотя тревога от того, что мы могли успеть разослать наше местоположение по всей галактике прежде, чем спохватились, осталась со мной надолго.

— ОРКА, — ответил я, оборачиваясь к пульту, хотя прекрасно понимал, что ИИ слышит меня независимо от направления взгляда, — ты можешь определить возраст этого корабля?

— Попробую, капитан, — отозвался ОРКА. — Подключаюсь к сенсорам через «Мелофона» для анализа структурных характеристик обшивки и внутренних систем.

Несколько секунд тишины — лишь тихий гул оживших, но всё ещё слабых систем корабля заполнял пространство командного центра.

— Получены предварительные данные, — сказал ОРКА наконец. — Оценку возраста я строю на основе нескольких показателей: степени деградации материалов обшивки, остаточного уровня изотопного распада в элементах энергетической установки, и характера окисления на металлических поверхностях, не защищённых от вакуума на протяжении длительного времени. Совокупность этих факторов указывает на ориентировочный возраст судна около четырёхсот земных лет.

Я медленно обвёл взглядом тёмные, изгибающиеся стены отсека, пытаюсь осознать произнесённую цифру.

— Четыреста лет, — повторил я тихо. — Корабль дрейфует здесь четыре столетия, и всё это время молчал — пока мы случайно не наткнулись на него и не разбудили заново.

Алиса медленно опустила руку с «Мелофоном», явно поражённая не меньше меня.

— Если ему действительно столько лет, — добавила она, — то кто бы ни построил его — они либо давно покинули этот сектор, либо... — она не закончила фразу, но я понял её без слов.

— Либо их больше нет, — закончил я за неё. — Ни тех, кто его построил, ни тех, кто на нём летал.

Вскоре в проёме командного центра показались Раш, Дрейк и Корн — все трое двигались уже свободнее, без того напряжённого, выверенного шага, с которым они расходились по тёмным коридорам в самом начале.

— Капитан, — доложил Раш, останавливаясь перед нами, — мы прошли весь корабль, насколько позволяет планировка. Результат — ничего. Совершенно пусто. Ни тел, ни следов экипажа, ни единого предмета личного характера.

— Самое странное, — добавил Дрейк, — мы нашли отсек, явно предназначенный для спасательных капсул — характерная форма посадочных мест, крепления, всё на месте. Но самих капсул там нет. Ни одной. Как будто их забрали заранее, организованно, а не в панике при аварии.

— И крио-отсека на корабле тоже не оказалось, — продолжил Корн. — Мы тщательно искали — ничего похожего на то, что есть у нас на «Горизонте». Если экипаж и существовал,

они либо не использовали крио-сон вообще, либо хранили его технологию принципиально иначе.

Я нахмурился, складывая в голове всё услышанное.

— А энергетическая установка? — спросил я. — Что-нибудь удалось выяснить про неё? Раш коротко кивнул в сторону одного из проходов.

— Вам надо на это взглянуть самим, капитан, — произнёс он. — Слова тут не очень помогут.

Мы с Алисой переглянулись и двинулись за ним по освещённому коридору. Проход оказался неожиданно коротким — энергетический отсек располагался почти в самом центре корабля, и когда мы вошли внутрь, я на секунду просто остановился, не зная, что сказать.

Установка занимала от силы треть того пространства, которое заняла бы аналогичная система на «Горизонте». Компактная, почти изящная конструкция, лишённая громоздких охлаждающих контуров и массивных реакторных блоков, к которым мы привыкли — вместо этого нечто плотное, почти монолитное, с едва заметным внутренним свечением, пульсирующим медленно и ровно, как живой организм.

— Это... значительно меньше нашей, — сказала Алиса, медленно обходя установку по периметру и почти не дыша. — Намного меньше.

— И при этом корабль таких размеров работал на ней, — добавил я, не скрывая удивления. — Четыреста лет.

Алиса поднесла к установке сканер, встроенный в скафандр, и несколько секунд молча смотрела на показания.

— Капитан, — сказала она наконец, — если верить этим данным, плотность энергии, которую она способна генерировать, значительно превышает возможности нашей установки. При том, что она раза в три, если не четыре меньше по размеру.

— То есть они решили задачу, которую мы до сих пор даже не пытались поставить, — произнёс я медленно. — Больше мощности в меньшем объёме.

— Именно, — сказала Алиса. — И если это была их технология четыреста лет назад... — она замолчала, не договорив, но мы оба прекрасно понимали, чем заканчивается эта мысль.

Я в последний раз окинул взглядом пульсирующую, спокойную, совершенно чуждую конструкцию — и почувствовал то редкое ощущение, когда масштаб собственного незнания становится осязаемым почти физически.

— ОРКА, — вызвал я, — зафиксируй все показания сканера по энергоустановке. Это идёт в отчёт отдельным разделом — с подробным описанием и всеми техническими данными, которые удалось снять.

— Уже фиксирую, капитан, — произнёс ОРКА. — Должен предупредить: часть параметров установки выходит за пределы диапазона наших сенсоров — возможно, реальные характеристики ещё значительнее, чем то, что я способен зарегистрировать.

Осмотрев установку, мы молча вернулись обратно в командный центр. Тишина между мной и Алисой была красноречивее любых слов — каждый переваривал увиденное по-своему, и ни у кого из нас не находилось нужных слов, чтобы разрядить это молчание.

Когда мы вошли в куполообразное помещение, я снова остановился у пульта, разглядывая слабо мерцающие индикаторы. При нынешнем, пусть и тусклом освещении командный центр выглядел иначе, чем в первые минуты после телепортации — детали, незаметные в темноте, теперь проступали отчётливее. Плавные изгибы панели, почти органические переходы между секциями, отсутствие каких-либо острых углов или резких стыков — будто весь пульт был выращен, а не собран.

— Алиса, — произнёс я, — попробуй ещё раз через Мелодфон. Раз нам удалось включить освещение и отключить передачу координат, может, пульт способен выдать что-то ещё

— навигационные данные, карты, хоть что-нибудь, указывающее на то, откуда этот корабль пришёл.

Алиса тут же поднесла Мелофон к одному из активных сегментов панели.

— Попробую запросить что-то вроде последнего известного маршрута, — добавила она, вводя параметры. — Если данные сохранились хотя бы частично — ОРКА поможет расшифровать.

Индикаторы на пульте снова пришли в движение, выстраиваясь в уже знакомый ритм отклика. Несколько секунд ожидания — и один из центральных сегментов панели вдруг ожил, засветившись чуть ярче остальных, выводя на гладкую поверхность длинную последовательность символов.

— Есть что-то, — тихо произнесла Алиса, наклоняясь ближе. — ОРКА, видишь это?

— Вижу, — отозвался ОРКА. — Анализирую структуру. Это не навигационные координаты в привычном смысле, капитан. Это скорее... временная метка. Дата последней активации основных систем корабля до нашего прибытия.

— И что она говорит? — спросил я.

— Если я правильно интерпретирую систему отсчёта времени — а это та же система, которую Алиса использовала для расшифровки координат, — последний раз основные системы этого корабля были активны приблизительно четыреста два года назад. После чего он перешёл в режим минимального энергопотребления — с единственной активной функцией передачи координат.

Алиса медленно выпрямилась, глядя на пульт.

— Четыреста два года, — повторила она тихо. — Значит, он не просто старый. Он был намеренно переведён в спящий режим. Кем-то, кто точно знал, что делает.

— Четыреста два года назад они были настолько впереди нас, — произнёс я вслух, не столько обращаясь к кому-то конкретно, сколько пытаюсь осмыслить произнесённые слова. — А если они продолжали развиваться все эти столетия с той же скоростью... то насколько далеко они могли зайти к сегодняшнему дню?

Алиса медленно покачала головой, и в её взгляде, прежде наполненном лишь восторгом исследователя, теперь проступило нечто более тяжёлое — осознание масштаба, который, возможно, выходил далеко за пределы того, что человеческий разум готов был принять спокойно.

— Капитан, — ответила она тихо, — если они настолько ушли вперёд... то вопрос не в том, готовы ли мы к встрече с ними. Вопрос в том, готовы ли мы хотя бы понять, с чем имеем дело.

— Алиса, — сказал я, поднимаясь с края пульта, — нам здесь больше нечего делать. Корабль пуст, журналы пусты, единственная работающая система — та, которую мы уже отключили. Возвращаемся на «Горизонт», но сначала нужно полностью выключить этот корабль. Не хочу оставлять его в рабочем состоянии — мало ли, что ещё он может транслировать или запускать без нашего ведома.

— Согласна, — отозвалась Алиса, снова берясь за «Мелофона». — Попробую подать команду на полное отключение через тот же интерфейс, что и раньше. Если он отреагировал на простую команду освещения, должен отреагировать и на более общую.

Она несколько минут работала с устройством, вводя параметры через синхронизированный с пультом интерфейс. Индикаторы на панели начали гаснуть один за другим — сначала те, что отвечали за периферийные системы, затем более крупные секции. Свет в помещении снова начал тускнеть, возвращаясь к прежнему аварийному мерцанию.

— Почти готово, — сказала Алиса, не отрываясь от панели. — Осталась основная энергоустановка.

— Погоди, — остановил я её, — установку не трогай. Четыреста лет она работала стабильно, не зная ни нас, ни наших команд. Если мы подадим некорректный сигнал на отключение, не зная принципа её работы, последствия могут быть непредсказуемыми.

Алиса на мгновение замешкалась.

— Разумно. Оставляю установку в покое, всё остальное отключено.

— ОРКА, — вызвал я, — зафиксируй текущие координаты этого корабля с максимальной точностью. Я хочу, чтобы мы могли вернуться сюда при необходимости, и хочу, чтобы эти данные ушли в отчёт командованию незамедлительно.

— Координаты зафиксированы, капитан, — отозвался ИИ. — Данные готовы к включению в отчёт.

— Хорошо, — сказал я. — Раш, Дрейк, Корн — всем на площадку телепортации. Возвращаемся.

Мы прошли по уже темнеющим, снова погружающимся в полумрак коридорам обратно к точке нашего появления, и я в последний раз оглянулся на тёмный проём командного центра — безмолвный, пустой, хранящий тайну своих создателей уже четыре столетия, а может, и дольше.

— ОРКА, телепортация группы, — добавил я.

— Телепортация через три, два, один, — добавил ИИ.

Знакомое покалывание — и мы снова оказались на борту «Горизонта», в хорошо знакомом, уютном по сравнению с чужим кораблём свете собственной телепортационной площадки.

Телепортационная площадка опустела, как только последний из нас шагнул на твёрдый пол «Горизонта». Я первым стянул шлем, с облегчением вдохнув привычный, слегка кондиционированный воздух корабля — после нескольких часов в замкнутом пространстве скафандра это простое ощущение казалось почти роскошью.

— Все целы? — спросил я, оглядывая группу.

— Целы, капитан, — отозвался Раш, укладывая шлем на стойку с профессиональной аккуратностью человека, привыкшего следить за снаряжением.

Пока мы снимали скафандры и сдавали оборудование Мирону, который уже поджидал нас у входа в шлюзовую отсек с привычным невозмутимым видом, на мостике начали собираться остальные — Лира, не сводившая глаз с внешних камер всё время нашего отсутствия, Кай, который, судя по виду, не находил себе места последние несколько часов.

Доктор Севальд молча проверила каждого из нас по очереди — давление, пульс, короткий неврологический тест, — прежде чем дать добро на совещание.

Когда все собрались на мостике, я обвёл взглядом усталые, напряжённые лица и понял, что откладывать разговор смысла нет — каждый из них провёл последние часы с одними и теми же вопросами в голове.

— Ну что ж, — произнёс я, опускаясь в капитанское кресло. — Давайте по порядку. Что мы нашли, что это значит, и что делаем дальше.

Первой заговорила Алиса — она ещё не успела полностью переключиться из режима исследователя в режим обычного человека, только что вернувшегося с чужого корабля, и это чувствовалось по тому, как быстро она начала говорить.

— Корабль абсолютно пуст, — добавила она. — Ни экипажа, ни следов присутствия кого бы то ни было. Бортовой журнал и все системы хранения данных очищены — намеренно или в результате длительного простоя, мы не знаем. Единственное, что работало при нашем появлении — аварийное освещение и система передачи координат, которую мы отключили. Возраст судна — около четырёхсот земных лет. И при этом их технологии, особенно энергоустановка на тёмной материи, значительно превосходят наши сегодняшние возможности.

— Значит, мы нашли брошенный корабль, — подвёл итог Мирон, скрестив руки. — Четыреста лет никто не приходил его забирать. Либо некому, либо незачем.

— Или они намеренно его оставили, — добавила Лира, и в её голосе прозвучала та самая осторожная аналитика, которую я ценил в ней больше всего. — Оставили как маяк, с работающей системой передачи координат. Чтобы тот, кто достаточно развит, мог найти его, включить, и понять — здесь когда-то была другая цивилизация.

— Или как приманку, — тихо сказал Кай, и сразу же осёкся, будто пожалев о произнесённых словах.

На мостике стало тихо. Никто не торопился опровергать эту мысль.

— Все три версии одинаково возможны, — сказал я наконец. — И ни одну из них мы не можем ни подтвердить, ни исключить с тем, что у нас есть на руках. Что мы знаем точно: этот корабль существует, он очень старый, его создатели были технологически намного впереди нас, и они намеренно включили на нём систему, которая рассылала координаты по всей галактике. А значит, кроме нас, этот сигнал мог получить кто-то ещё — и задолго до нас.

Алиса медленно подняла взгляд.

— Вы думаете, мы были не первыми, кто его нашёл?

— Я думаю, что мы не можем быть в этом уверены, — добавил я. — И именно поэтому следующий вопрос звучит так: что мы делаем дальше? У нас есть миссия на Тессере, и мы и так уже прилично от неё отклонились. Хочу услышать мнение каждого.

— Итак, — бросил я, окидывая взглядом собравшихся, — моё решение следующее. Составляем подробный отчёт командованию — всё, что мы нашли, со всеми деталями: возраст корабля, технологии, пустые системы, координатный сигнал, который мы отключили. Ничего не утаиваем и не преуменьшаем. Пусть наверху сами решают, насколько это важно.

— И координаты? — спросила Лира.

— Координаты прилагаются к отчёту в обязательном порядке, — согласился я. — Пусть командование отправит грузовой корабль и заберёт его на ближайшую исследовательскую базу. Там есть специалисты и оборудование, которых у нас нет — они смогут изучить его куда тщательнее, чем мы за несколько часов при аварийном освещении.

— Думаете, командование воспримет это серьёзно? — усмехнулась Алиса, и в её голосе прозвучала лёгкая горечь. — После того как они закрыли дело «Меридиана» по признаку «отсутствия пострадавших»?

— На этот раз у нас есть доказательства, — произнёс я. — Координаты конкретного объекта, данные сканирования, образец материала с корпуса, расшифрованная система кодирования послания. Это не просто «странный сигнал непонятного происхождения», как было у «Меридиана». Это реальный корабль, который можно найти, потрогать и привезти. Такое проигнорировать куда сложнее.

Мирон хмыкнул одобрительно.

— Ещё добавьте к отчёту данные по энергоустановке, — сказал он. — Уж военные точно заинтересуются технологией, которая в несколько раз эффективнее нашей. Это подтолкнёт их быстрее, чем любые разговоры о научной ценности находки.

— Хорошая мысль, — согласился я. — ОРКА, начинай формировать базу для отчёта — все технические данные сканирования, показатели энергоустановки, хронологию событий с момента первого сигнала. Я продиктую основной текст, Алиса добавит научную часть.

— Уже начинаю компиляцию данных, капитан, — сказал ОРКА. — Ориентировочный объём отчёта, учитывая полноту имеющихся материалов, составит около сорока страниц технической документации плюс нарративная часть.

— Значит, за работу, — произнёс я, поднимаясь с кресла. — Алиса, Лира — со мной. Мирон, проверь состояние всех систем корабля после нашей остановки — пора готовиться к возвращению на курс. Раш, Дрейк, Корн — свободны, отдыхайте, вы своё дело сделали хорошо.

Раш молча кивнул, и трое бойцов вышли с мостика так же тихо и организованно, как и появились несколько часов назад.

— ОРКА, — бросил я, прежде чем погрузиться в работу над отчётом, — когда сообщение будет готово к отправке, скажи мне. Хочу лично перечитать перед отправкой — второго шанса на первое впечатление у нас не будет.

— Принято, капитан, — добавил ИИ. — Приступаю к работе.

— И ещё один момент, — добавил я, прежде чем все разошлись по местам. — Алиса, «Мелодфон» нужно будет передать командованию вместе с отчётом — не физически, разумеется, но всю документацию по устройству, схемы, принципы кодирования сигнала, алгоритмы расшифровки. Пусть на базе воспроизведут его в нормальных лабораторных условиях, с нормальным оборудованием, а не на коленке в нашей мастерской при аварийном освещении чужого корабля.

Алиса на секунду замешкалась — было видно, что расставаться с детищем, пусть даже в виде документации, ей нелегко.

— Понимаю, — ответила она наконец. — Хотя было бы обидно, если они просто положат его в архив рядом с делом «Меридиана» и забудут.

— Не забудут, — произнёс я. — Устройство, способное читать и отправлять сигналы потенциально разумной цивилизации — это не та вещь, которую кладут в архив. Даже самое инертное командование понимает, что такое инструмент связи с неизвестным. Особенно если к нему прилагается уже готовый корабль для изучения.

— Капитан прав, — поддержала Лира. — «Мелодфон» в паре с координатами чужого корабля — это не просто интересная находка. Это готовый комплект для полноценной исследовательской экспедиции с совершенно другими ресурсами, чем у нас.

Алиса медленно кивнула, прижимая контейнер с устройством чуть крепче, чем обычно.

— Хорошо, — произнесла она. — Подготовлю полную техническую документацию — схемы, алгоритмы, протоколы кодирования и расшифровки, все наработки ОРКА по вариантам систем отсчёта. Достаточно подробно, чтобы воспроизвести устройство с нуля даже без образца.

— Именно то, что нужно, — подтвердил я. — ОРКА, включи документацию по «Мелодфону» в общий пакет отчёта отдельным приложением. Пусть видят сразу — находка и инструмент для работы с ней идут в комплекте.

— Принято, капитан, — ответил ОРКА. — Формирую отдельный раздел по устройству. Алиса, когда будете готовы передать технические данные — я подключусь напрямую к вашему терминалу для ускорения компиляции.

— Буду готова через час, — ответила Алиса, уже разворачиваясь к выходу с мостика, всё ещё бережно прижимая «Мелодфона» к себе — в последний раз, как человек, который понимает, что скоро передаст любимое детище в чужие, пусть и надёжные руки.

— Нет, — сказал я, останавливая Алису у выхода. — Сегодня всем отдыхать. День был достаточно длинным и без лишней работы.

Алиса обернулась с явным удивлением — кажется, в её планах уже выстроилась очередь из задач на ближайшие несколько часов.

— Но отчёт...

— Отчёт подождёт до утра, — твёрдо произнёс я. — Я сам просмотрю все материалы завтра, сверю, дополню и отправлю командованию. Ничего не потеряется. ОРКА всё сохранит в нужном виде.

— Всё будет в сохранности, — подтвердил ИИ с характерной невозмутимостью. — Могу добавить ремарку, что капитан тоже выглядит так, будто ему не мешает отдых. Но это исключительно моё личное наблюдение, не рекомендация.

— Принято к сведению, — добавил я без улыбки, хотя внутри что-то дрогнуло. — ОРКА, убирай щиты — кроме носовых, их оставь. И начинай набирать скорость, курс прежний, в направлении Тессеры.

— Принято, капитан, — отозвался ИИ. — Боковые и кормовые щиты деактивированы, носовые оставлены в рабочем режиме. Начинаю разгон до маршевой скорости. С учётом всех накопленных задержек расчётное время прибытия к Тессере уточню после выхода на полный ход.

Гул двигателей «Горизонта» начал нарастать, привычная вибрация вернулась в корпус корабля — мягкая, почти успокаивающая после нескольких часов неподвижного молчания у чужого корабля.

Я окинул взглядом мостик — усталые, но живые лица всех, кто пережил этот день вместе со мной.

— Все свободны, — произнёс я. — Раш, Дрейк, Корн — отдельная благодарность за сегодня, работали чисто. Остальным — спокойной ночи. Завтра утром разберёмся со всем остальным.

Люди начали расходиться — кто-то с явным облегчением, кто-то, как Алиса, с трудом отрываясь от мыслей о незавершённой работе. Мирон, проходя мимо меня, коротко хлопнул по плечу — без слов, но достаточно, чтобы понять.

Когда мостик опустел, я ещё несколько минут сидел в тишине, глядя на главный экран — туда, где «Горизонт» медленно разворачивался на прежний курс, оставляя за кормой безмолвный, тёмный силуэт чужого корабля, снова погружающегося в четырёхсотлетнее одиночество.

— ОРКА, — сказал я наконец, не обращаясь ни к кому конкретно, просто в темноту мостика, — как думаешь, мы правильно сделали, что отключили сигнал?

Пауза вышла чуть длиннее обычной.

— Честно, капитан? — ответил ИИ. — Не знаю. Но я знаю, что вы приняли это решение не потому, что испугались. А это, как правило, хорошее основание для любого решения.

Я встал, погасил освещение мостика до ночного минимума и направился в сторону своей каюты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.